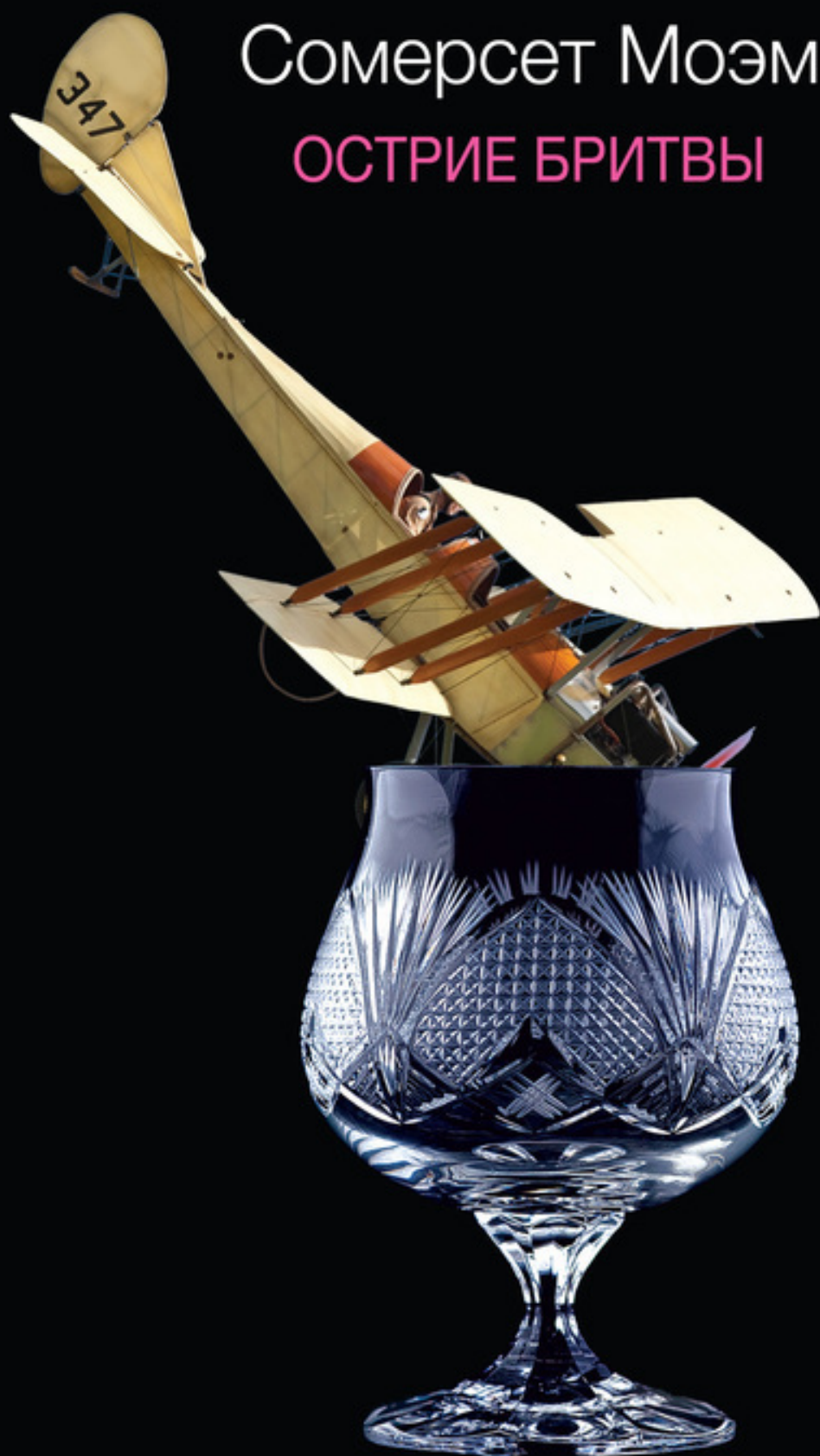

W. SOMERSET MAUGHAM

Сомерсет Моэм

ОСТРИЕ БРИТВЫ

Сомерсет Моэм
Острие бритвы

«Издательство АСТ»

1944

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Моэм С.

Острие бритвы / С. Моэм — «Издательство АСТ», 1944

ISBN 978-5-17-085624-4

«Острие бритвы» – одно из лучших произведений Моэма. Не просто роман, но подлинная «школа нравов» английской богемы начала XX века, книга язвительная до беспощадности и в то же время полная тонкого психологизма. Сомерсет Моэм не ставит диагнозов и не выносит приговоров – он живописует свою собственную «хронику утраченного времени», познать которую предстоит читателю!

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-085624-4

© Моэм С., 1944

© Издательство АСТ, 1944

Содержание

Глава первая	6
I	6
II	8
III	10
IV	11
V	13
VI	19
VII	24
VIII	27
IX	32
X	33
Глава вторая	40
I	40
II	42
III	43
IV	47
V	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сомерсет Моэм

Острие бритвы

Трудно пройти по острию бритвы; так же труден, говорят мудрецы, путь, ведущий к спасению.

Катха Упанишады

W. Somerset Maugham

THE RAZOR'S EDGE

Печатается с разрешения The Royal Literary Fund и литературных агентств AP Watt Limited и Synopsis.

© The Royal Literary Fund, 1944

© Перевод. М. Лорие, наследники, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава первая

I

Никогда еще я не начинал писать роман с таким чувством неуверенности. Да и романом я называю эту книгу только потому, что не знаю, как иначе ее назвать. Сюжет ее беден, и она не кончается ни смертью, ни свадьбой. Смертью кончается все, так что она – естественное завершение любого сюжета, но и брак – неплохая развязка, и напрасно умудренные скептики издеваются над так называемым счастливым концом. Не что иное, как здравый инстинкт подсказывает рядовому человеку, что, поживив героев, автор вполне может поставить точку. Если мужчина и женщина после каких угодно перипетий обретают друг друга, значит, они выполнили свою биологическую функцию, и интерес переключается на то поколение, что идет им на смену. А я вот оставляю моих читателей в неведении. Эта книга содержит мои воспоминания о человеке, с которым я непосредственно сталкивался лишь через большие промежутки времени, и я мало осведомлен о том, что он делал между нашими встречами. Как беллетрист, я бы мог, вероятно, заполнить эти пробелы достаточно убедительно и таким образом сделать мое повествование более связным; но мне не хочется этим заниматься. Я хочу писать только о том, что мне доподлинно известно.

Много лет тому назад я написал роман под названием «Луна и грош». В нем я вывел знаменитого французского художника Поля Гогена и, пользуясь правом писателя на вымысел, сочинил целый ряд эпизодов, чтобы полнее обрисовать характер, который создал, исходя из скудных фактических данных, бывших в моем распоряжении. В настоящей книге я и не пробовал повторить этот опыт. Чтобы не ставить в неловкое положение людей, которые еще живы, я только дал действующим лицам моей повести вымышленные имена и вообще позаботился о том, чтобы их нельзя было узнать. Человек, о котором я пишу, не знаменит. Возможно, он никогда не прославится. Возможно, уйдя из жизни, он оставит о своем пребывании на земле не более заметный след, чем камень, брошенный в реку, оставляет на поверхности воды. Тогда если мою книгу вообще будут читать, то только как литературное произведение, более или менее интересное. Но возможно и то, что влияние, которое оказывает на окружающих образ жизни, избранный моим героем, и необычайная сила и прелесть его характера будут распространяться все шире, и со временем, пусть через много лет после его смерти, люди поймут, что между нами жил человек поистине выдающийся. Тогда станет ясно, о ком я пишу в этой книге, и те, кому захочется хоть что-нибудь узнать о ранней поре его жизни, найдут здесь чем поживиться. Думаю, что для биографов моего друга книга эта при всех ее недочетах послужит ценным источником информации.

Разговоры, приведенные в этой книге, не следует воспринимать как стенограммы. Я никогда не записывал того, что говорилось в тот или иной день, но у меня хорошая память на все, что меня лично касается, и, хотя разговоры эти я воспроизвожу своими словами, суть сказанного, думаю, мне, передана верно. Выше я отметил, что ничего в этой книге не сочинил; здесь требуется некоторая оговорка. Я допустил ту же вольность, какую допускали историки со времен Геродота: вложил в уста моих персонажей речи, которых сам не слышал и не мог слышать. Сделал я это с той же целью, что историки, – чтобы придать живость и правдоподобие сценам, которые, будь они только описаны, оставили бы читателя равнодушным. Я хочу, чтобы мои книги читали, и не считаю зазорным по мере сил этого добиваться. Сообразительный читатель с легкостью обнаружит, где именно я прибегаю к этой уловке, и его дело принять ее или отвергнуть.

Приступаю я к этой работе с опаской и по другой причине: люди, о которых мне предстоит говорить, – по большей части американцы. Знание людей – вообще дело трудное, а по настоящему знать можно, мне кажется, только своих соотечественников. Ведь ни один человек не существует сам по себе. Люди – это и страна, где они родились, и ферма или городская квартира, где они учились ходить, и игры, в которые они играли детьми, и сплетни, которые им довелось подслушать, и еда, которой их кормили, школа, где их обучали, спорт, которым они увлекались, поэты, которых читали, и Бог, в которого верили. Все это и сделало их такими, как они есть, и все это нельзя усвоить понаслышке, а можно постичь, только если сам это пережил. Если это часть тебя самого. И оттого, что представителей другой нации знаешь только по наблюдениям со стороны, очень трудно изобразить их убедительно на страницах книги. Даже такому внимательному и тонкому наблюдателю, как Генри Джеймс, к тому же сорок лет прожившему в Англии, не удалось изобразить ни одного англичанина так, чтобы в него можно было до конца поверить. Сам я никогда и не пробовал писать ни о ком, кроме англичан, разве что в нескольких коротких рассказах – в этом жанре можно обойтись без углубленных характеристик. Даешь читателю общие контуры, а подробности пусть додумывает сам. Могут спросить, почему, если я превратил Поля Гогена в англичанина, я не поступил так же с героями этой книги. Ответить на это просто: потому что не мог. Они тогда стали бы другими людьми. Я не утверждаю, что они – американцы, какими те себя видят; они – американцы, увиденные глазами англичанина. Я не старался передать особенности их речи. Английские писатели, пытающиеся это делать, терпят неудачу точно так же, как американские писатели, когда пытаются изобразить, как говорят в Англии. Особенно много опасностей таит в себе разговорный язык. В своих английских вещах Генри Джеймс много им пользовался, но всегда не совсем так, как англичане, почему и диалог у него не производит впечатления естественной легкости, к чему он стремился, а сплошь и рядом режет слух английскому читателю.

II

В 1919 году, по дороге на Дальний Восток, я оказался в Чикаго и по причинам, не имеющим никакого касательства к этой повести, задержался там недели на три. Незадолго до того вышел в свет один мой роман. Роман имел успех, и не успел я прибыть в Чикаго, как ко мне явился интервьюер. На следующее утро у меня зазвонил телефон. Я поднял трубку.

– Это говорит Эллиот Темплтон.

– Эллиот? Я думал, вы в Париже.

– Нет, я здесь, гошу у сестры. Приезжайте к нам сегодня завтракать.

– С удовольствием.

Он уточнил время и дал мне адрес.

С Эллиотом Темплтоном я был знаком пятнадцать лет. Сейчас, когда ему шел шестой десяток, это был высокий, представительный мужчина с правильными чертами лица и густыми волнистыми волосами, поседевшими лишь настолько, чтобы придать ему еще более аристократический вид. Одевался он безупречно. Галстуки покупал у Шарве, а костюмы, обувь и шляпы – в Англии. В Париже он снимал квартиру на левом берегу Сены, на фешенебельной улице Сен-Гийом. Люди, не любившие его, говорили, что он делец, однако он гневно отметал такое обвинение. У него был вкус, были знания, и он не отрицал, что в минувшие годы, когда он только что поселился в Париже, ему случалось давать советы богатым коллекционерам, пополнявшим свои собрания картин; а когда благодаря своим связям в обществе он узнавал, что какой-нибудь обедневший высокородный француз или англичанин не прочь продать первоклассную картину, охотно сводил его со знакомым экспертом из американского музея, которому, как ему было известно, как раз требовался высокий образец работы данного мастера. Во Франции, да и в Англии тоже, имелось немало старинных семейств, в силу обстоятельств вынужденных расставаться то с подписным столиком-буль, то с конторкой собственноручной работы Чиппендейла, и представители этих семейств бывали рады познакомиться с культурным, прекрасно воспитанным человеком, который мог им в этом помочь, деликатно и без огласки. Естественно было предположить, что Эллиоту кое-что перепадало от этих сделок, но упоминать об этом было бы бестактно. Злые языки утверждали, что в его квартире любая вещь продается и что стоит ему угостить богатых американцев отличным обедом с марочными винами, как из его гостиной исчезают два-три ценнейших рисунка либо вместо секретера-маркетри появляется новый, лакированный. Когда его спрашивали, куда пропала та или иная вещь, он очень правдоподобно объяснял, что она его не вполне удовлетворяла и он обменял ее на другую, более высокого качества. И добавлял, что скучно все время иметь перед глазами одно и то же.

– *Nous autres americains*, – мы, американцы, – говорил он, – любим разнообразие. В этом и наша сила, и наша слабость.

Некоторые американцы, наезжавшие в Париж, уверяли, что знают про него решительно все, что он из очень бедной семьи, и если сейчас живет так широко, то лишь потому, что сумел проявить большую ловкость. Я не знаю, сколько у него было денег, но титулованный домовладелец, безусловно, брал с него за квартиру недешево и произведений искусства в ней хватало. По стенам висели рисунки великих французских художников: Ватто, Фрагонара, Клода Лоррена, на паркетных полах раскинулись во всей своей красе ковры из Савоннери и Обюссона, а в гостиной стоял обитый вышитым атласом гарнитур в стиле Людовика XV, такой изящный, что в свое время им и впрямь, как он утверждал, могла владеть мадам де Помпадур. Во всяком случае, Эллиот мог позволить себе не искать заработка и вести жизнь, по его мнению, подобающую джентльмену; а откуда у него взялись на это средства – о том поминали только те, кто был готов с ним раззнакомиться. Избавленный, таким образом, от материальных забот, он целиком отдался своей главной страсти – продвижению по общественной лестнице. Деловые связи с

неимущими вельможами как во Франции, так и в Англии добавились к тем первым зацепкам, которые у него оказались, когда он молодым человеком прибыл в Европу с рекомендательными письмами. Некоторые из этих писем были адресованы американкам, породнившимся с европейской знатью, и тут помогло его происхождение: он был из старой виргинской семьи, и один из его предков по материнской линии поставил свою подпись под Декларацией независимости. У него была приятная внешность, он хорошо танцевал, недурно стрелял, прекрасно играл в теннис. Ему везде были рады. Он не скупился на цветы и на коробки дорогих шоколадных конфет; у себя принимал редко, но всегда с выдумкой. Богатым американкам нравилось, когда их возили в богемные ресторанчики Сохо и в бистро Латинского квартала. Он всегда был готов к услугам и выполнял любые просьбы, даже самые обременительные. Не жалея сил, он ублажал стареющих дам и вскоре стал вхож в многие чопорные особняки на правах общего любимца, *ami de la maison*¹. Любезности его не было границ. Он и не думал обижаться, если его приглашали в последнюю минуту, лишь потому, что кто-то другой из приглашенных подвел хозяев, и за столом его можно было посадить рядом с очень скучной старухой, не сомневаясь, что он будет с ней отменно остроумен и обходителен.

За два-три года он перезнакомился со всеми, с кем стоило познакомиться молодому американцу, – как в Лондоне, куда он отправлялся в конце сезона и откуда осенью ездил гостить в загородные поместья, так и в Париже, где он обосновался. Дамы, которые первыми ввели его в общество, с удивлением обнаруживали, как быстро разросся круг его знакомств. Это вызывало у них смешанные чувства. С одной стороны, им было приятно, что их молодой протеже не обманул ожиданий, с другой – немного досадно, что он так близко сошелся с людьми, с которыми сами они поддерживали лишь чисто официальные отношения. Хоть он по-прежнему бывал им полезен и всегда готов услужить, невольно закрадывалась мысль, не использовал ли он их как ступеньки в своей светской карьере. Они подозревали в нем сноба. И не без оснований. Конечно, он был сноб и даже не стыдился этого. Он готов был претерпеть любой afront, снести любую насмешку, проглотить любую грубость, лишь бы получить приглашение на раут, куда жаждал попасть, или быть представленным какой-нибудь сварливой старой аристократке. Он был неутомим. Наметив себе добычу, он преследовал ее с упорством ботаника, разыскивающего редкостную орхидею, невзирая на наводнения, землетрясения, лихорадки и враждебных туземцев. Война 1914 года позволила ему окончательно утвердиться. Он был зачислен в санитарную часть, служил сперва во Фландрии, потом в Аргонне, а через год вернулся с красной ленточкой в петлице и был назначен на ответственный пост в Красном Кресте в Париже. К тому времени он уже был состоятельным человеком и щедро жертвовал на добрые дела под эгидой разных влиятельных лиц. Он всегда был готов поставить свой безупречный вкус и организаторские способности на службу любого благотворительного начинания, достаточно широко разрекламированного. Он стал членом двух самых недоступных парижских клубов. Для высокопоставленных французских дам он был теперь *se cher Elliott*². Он достиг желанных высот.

¹ Друга дома (*фр.*).

² Наш милый Эллиот (*фр.*).

III

Я познакомился с Эллиотом, когда был заурядным молодым писателем, и он не удостоил меня вниманием. У него была отличная память на лица, и, встречаясь со мной, он сердечно пожимал мне руку, однако не выказывал желания сойтись со мной ближе, а если я попадался ему на глаза, скажем, в опере, где он был с каким-нибудь титулованным приятелем, мог и вовсе меня не заметить. Но потом я как-то сразу приобрел известность как драматург и убедился, что его отношение ко мне потеплело. Однажды я получил от него записку с приглашением позавтракать в отеле «Кларидж», где он останавливался, когда бывал в Лондоне. Общество собралось небольшое и не самое шикарное, и у меня создалось впечатление, что Эллиот ко мне примеривается. Однако благодаря успеху моих пьес у меня появилось много новых друзей, и мы стали встречаться чаще. Тут я как-то провел несколько осенних недель в Париже и встретил его у одних общих знакомых. Он спросил, где я остановился, и через несколько дней я снова получил приглашение на завтрак – на этот раз у него дома, а приехав, с удивлением убедился, что общество у него собралось самое изысканное. Мысленно я посмеялся. Мне было ясно, что с присущим ему безошибочным светским чутьем он сообразил, что в Англии я как писатель не бог весть какая персона, тогда как во Франции, где писателю создает престиж сама его профессия, – другое дело. В последующие годы мы сошлись ближе, хотя друзьями так и не стали. Едва ли Эллиот Темплтон вообще мог стать кому-нибудь другом. Люди интересовали его только с точки зрения их места в обществе. Когда я бывал в Париже или он в Лондоне, он продолжал приглашать меня на обеды, если требовался лишний мужчина или предстояло принимать путешествующих американцев. Среди них, как я подозревал, бывали и прежние его клиенты, и незнакомые ему люди, направленные к нему с рекомендательными письмами. Это был его крест. Он чувствовал, что должен что-то для них сделать, а вместе с тем ему вовсе не улыбалось знакомить их со своими знатными друзьями. Проще всего было, конечно, накормить их обедом и сводить в театр, но и это порой оказывалось затруднительно, поскольку все вечера у него были обычно расписаны на три недели вперед, да и не верилось ему, что они этим удовлетворятся. Со мною, как с писателем, он особенно не церемонился и не прочь был мне поплакаться.

– В Америке любого готовы снабдить рекомендательным письмом. Я не говорю, сам я всегда рад повидать земляков, но почему я должен навязывать их общество моим друзьям?

Он пробовал отделаться корзинами роз и огромными коробками конфет, но иногда этого оказывалось мало. И вот тогда он немного наивно, если учесть то, что он перед тем мне говорил, приглашал меня на обед.

«Они просто жаждут с вами познакомиться, – писал он, чтобы мне польстить. – Миссис Такая-то очень культурная женщина и ваши книги знает буквально наизусть».

А затем миссис Такая-то сообщала мне, что ей ужасно понравился мой роман «Мистер Перрен и мистер Трэйл», и поздравляла с успехом моей пьесы «Моллюск». Роман этот написал Хью Уолпол, а пьесу – Хьюберт Генри Дэвис.

IV

Если у читателя создалось впечатление, что Эллиот Темплтон был препротивный тип, значит, я не отдал ему должное.

Прежде всего он был *serviable*, что в переводе с французского означает примерно: добрый, обязательный, готовый помочь. Он был великодушен, и если в начале своей карьеры задабривал знакомых цветами, конфетами и сувенирами, безусловно, не без задней мысли, то продолжал в том же духе и тогда, когда надобность в этом отпала. Он любил делать подарки. Он был гостеприимен. Повар его был одним из лучших в Париже, и можно было не сомневаться, что к столу будут поданы самые ранние овощи и фрукты. Его вина свидетельствовали об отменном вкусе хозяина. Правда, гостей он выбирал главным образом по признаку их положения в обществе, однако заботился и о том, чтобы среди них оказалось хотя бы двое чем-либо интересных, так что скучно у него почти никогда не бывало. Многие смеялись над ним у него за спиной, называли его бессовестным снобом, но приглашения принимали охотно. По-французски он говорил правильно и свободно, с безукоризненным произношением. По-английски приучил себя говорить как англичане, так что лишь очень чувствительное ухо время от времени улавливало в его речи американские интонации. Он был отличным собеседником, если только не давать ему разглагольствовать про герцогов и герцогинь; но теперь, когда положение его было прочно, он даже о них позволял себе поговорить забавно, особенно с глазу на глаз. Он умел позлословить, а уж сплетни, ходившие про этих высокопоставленных личностей, знал все до одной. Это он сообщил мне, кто отец последнего ребенка принцессы Н. И кто любовница маркиза Д. Даже Марсель Пруст, по-моему, был осведомлен об интимной жизни аристократии не лучше, чем Эллиот Темплтон.

Бывая в Париже, я часто с ним завтракал – когда у него, когда в ресторане. Я люблю бродить по антикварным лавкам – изредка покупаю что-нибудь, а чаще просто гляжу, – и Эллиот с радостью сопровождал меня в этих походах. Он по-настоящему любил красивые вещи и знал в них толк. Кажется, не было в Париже такой антикварной лавки, о которой бы он не слышал, с владельцем которой не был бы на короткой ноге. Он обожал вести переговоры и, пускаясь в путь, предупреждал меня:

– Если вам что-нибудь приглянется, не вздумайте покупать сами. Вы только дайте мне знак, остальное я беру на себя.

Он искренне радовался, когда ему удавалось отторговать для меня что-нибудь за полцены. А торговался он мастерски – спорил, улещивал, сердился, зывал к лучшим чувствам продавца, высмеивал его, находил в облюбованной вещи изъяны, грозил, что ноги его здесь больше не будет, вздыхал, пожимал плечами, корил, в гневе поворачивал к выходу, а одержав наконец победу, сокрушенно качал головой, словно принимая неизбежное поражение. И тут же успевал шепнуть мне по-английски:

– Берите. Вдвое больше и то было бы дешево.

Эллиот был ревностным католиком. Еще в первые свои парижские годы он повстречал некоего аббата, известного тем, скольких безбожников и еретиков он вернул в лоно истинной церкви. Аббат этот усердно посещал званые обеды и блистал остроумием. Своим духовным руководством он удостаивал только богачей и аристократов. Как человек скромного происхождения, сделавшийся желанным гостем в самых знатных семействах, он не мог не импонировать Эллиоту, и последний признался одной богатой американке, недавно обращенной аббатом, что, хотя семья его спокон веку принадлежала к епископальной церкви, сам он давно интересуется католичеством. Дама пригласила его на обед – только его и аббата, – и тот показал себя во всем блеске. Хозяйка дома навела разговор на католичество, и аббат подхватил эту тему

благоговейно, но без педантизма, как светский человек (хоть и священник) в беседе с другим светским человеком. Эллиоту было лестно убедиться, что аббат хорошо о нем осведомлен.

– На днях мне рассказывала о вас герцогиня Вандомская. Вы произвели на нее впечатление очень умного человека.

Эллиот даже вспыхнул от удовольствия. Да, он был представлен ее светлости, но никак не думал, что она его запомнила. Аббат толковал о религии мудро и мягко, проявил терпимость, широту взглядов и современность подхода. В его изображении церковь предстала перед Эллиотом как некий клуб для избранных, в котором воспитанному человеку ради собственного престижа просто необходимо состоять членом. Через полгода он был туда принят. Обращение его в сочетании с щедрыми пожертвованиями на католическую благотворительность открыло перед ним двери нескольких домов, в которые он до того не имел доступа.

Можно по-разному расценить мотивы, заставившие его отречься от веры отцов, но, после того как он это сделал, набожность его не вызвала сомнений. Каждое воскресенье он ездил в одну из самых фешенебельных парижских церквей, он регулярно исповедовался и периодически совершал паломничество в Рим. За свое благочестие он со временем был награжден зачислением в папские камергеры, а за усердие, с каким выполнял свои новые обязанности, – орденом (если не ошибаюсь – Гроба Господня). Словом, как католик он преуспел не меньше, чем как *homme du monde*³.

Я часто спрашивал себя, в чем причина снобизма, которым был одержим этот человек, такой неглупый, образованный и добрый. Он не был безродным выскочкой. Отец его был ректором университета в одном из южных штатов, дед – вполне почтенным доктором богословия. У Эллиота хватало ума понять, что многие принимали его приглашения только ради того, чтобы бесплатно пообедать, что среди них есть и тупицы, и ничтожества. Но блеск их громких титулов затмевал в его глазах любые их недостатки. Я могу только догадываться, что тесное общение с этими родовитыми господами и верная служба их дамам вселяли в него непреходящее чувство одержанной победы и что за всем этим крылась страстная романтическая натура, позволявшая ему видеть в тщедушном французском маркизе того крестоносца, что побывал в Святой земле с Людовиком IX, а в английском графе, хвастающем своей псарней, – предка этого графа, сопровождавшего Генриха VIII на Парчовое поле⁴. Ему, наверно, казалось, что в обществе таких людей он сам живет в каком-то великолепном, доблестном прошлом. И, вероятно, сердце его радовалось, когда он перелистывал Готский альманах, и одно имя за другим вызывало в его памяти давно минувшие войны, исторические осады, прославленные поединки, дипломатические интриги и любовные похождения королей. Вот таким человеком был Эллиот Темплтон.

³ Светский человек (*фр.*).

⁴ Парчовое поле – равнина близ Кале, где в 1520 году английский король Генрих VIII встретился для переговоров с французским королем Франциском I, причем участники этой встречи блистали пышными нарядами. – *Примеч. пер.*

V

Только я собрался помыться и почиститься, чтобы ехать к Эллиоту и его родным, как мне позвонили от портъе сказать, что сам Эллиот ждет меня внизу. Я немного удивился и, как только привел себя в порядок, спустился в вестибюль.

– Я решил зайти за вами, – сказал он, пожимая мне руку. – Я не был уверен, хорошо ли вы знаете Чикаго.

Мне уже приходилось подмечать, что у некоторых американцев, долго проживших за границей, складывается представление, будто Америка – очень трудная, даже опасная страна, в которой европеец рискует пропасть без посторонней помощи.

– Время еще есть, часть дороги можно пройти пешком, – предложил он.

Воздух был чуть морозный, в небе ни облачка, и размяться было приятно.

– Я хотел кое-что рассказать вам о моей сестре, прежде чем вы ее увидите, – сказал Эллиот, бодро шагая со мною рядом. – Она приезжала ко мне в Париж, но вас тогда, помнится, там не было. Сегодня мы завтракаем тесным кружком – только сестра, ее дочь Изабелла и Грегори Брабазон.

– Специалист по интерьерам?

– Он самый. Дом у моей сестры в ужасном виде, и мы с Изабеллой все уговариваем ее отделать его заново. А тут я случайно услышал, что Грегори сейчас в Чикаго, и подал идею пригласить его к завтраку. Он, конечно, не в полном смысле джентльмен, но вкус у него есть. Мэри Олифант поручала ему всю отделку своего замка, а Сент-Эрты – свой дом в Сент-Клемент-Толбот. Герцогиня не могла им нахвалиться. А дом Луизы... Да вот вы сами увидите. Как она могла прожить в нем столько времени – уму непостижимо. Впрочем, для меня вообще загадка, как она может жить в Чикаго.

Он рассказал мне, что миссис Брэдли – вдова, у нее трое детей: два сына и дочь; но сыновья намного старше, женаты и с ней не живут. Один занимает государственный пост на Филиппинах, другой сейчас в Буэнос-Айресе, он дипломат, пошел по стопам отца. Покойный муж миссис Брэдли представлял свою родину во многих странах, несколько лет был первым секретарем посольства в Риме, а затем был назначен послом в одну из республик на западном побережье Южной Америки, где и скончался.

– Я хотел, чтобы Луиза тогда же продала этот дом, – продолжал Эллиот, – но ей было жаль с ним расстаться. Семейство Брэдли владело им много лет. Брэдли – одно из старейших семейств Иллинойса. Они переселились из Виргинии в тысяча восемьсот тридцать девятом году и обзавелись землей миль в шестидесяти от тогдашнего Чикаго. Земля эта до сих пор им принадлежит. – Эллиот помолчал и взглянул на меня, проверяя, как я отнесся к этим сведениям. – Тот Брэдли, что здесь обосновался, был, в сущности, по нынешним понятиям, фермер. Не знаю, известно ли это вам, но в середине прошлого века, когда началось освоение Среднего Запада, многие виргинцы, всё больше, знаете ли, младшие сыновья из хороших семей, охваченные тягой к неизвестному, стали покидать благоденствующие усадьбы своего родного штата. Отец моего зятя, Честер Брэдли, понял, что у Чикаго есть будущее, и поступил там в юридическую контору. И нажил, между прочим, достаточно денег, чтобы оставить своему сыну вполне порядочное состояние.

Не столько слова Эллиота, сколько его тон означал, что, на его взгляд, Честер Брэдли поступил не совсем прилично, променяв наследственный дом с колоннами и обширные плантации на какую-то контору, но то обстоятельство, что он нажил состояние, хотя бы частично оправдывало этот шаг. Эллиот был явно раздосадован, когда миссис Брэдли – не в тот день, а позже – показала мне любительские снимки того, что ему угодно было именовать их «поместьем», и я увидел скромный оштукатуренный дом с веселым садиком, но тут же рядом, увы,

сарай, коровник и хлев, а вокруг – унылые плоские поля. Мне подумалось, что мистер Честер Брэдли знал, что делал, когда махнул на все это рукой и подался в город.

Дальше мы поехали в такси. Машина остановилась перед кирпичным домом, высоким и узким, к парадной двери которого вело несколько крутых ступеней. Он стоял в ряду других домов, на улице, отходящей от набережной, и выглядел даже в этот яркий осенний день таким бесцветным и скучным, что непонятно было, как можно питать к нему теплые чувства. Дверь отворил дородный седовласый дворецкий-негр, и нас провели в гостиную. Миссис Брэдли поднялась нам навстречу, и Эллиот представил меня. В молодости она, видимо, была хороша собой – у нее были правильные, хоть и довольно крупные черты лица и очень красивые глаза. Но лицо это, желтоватое, почти вызывающе не накрашенное, уже немного оплыло, и было ясно, что она проиграла битву с полнотой, этим врагом пожилых женщин. Принять свое поражение она, однако, не соглашалась – сидела очень прямо, на стуле с жесткой спинкой, так ей, в тесной броне корсета, было, очевидно, удобнее, чем в мягком кресле. На ней было синее платье, щедро расшитое тесьмой, высокий воротник на китовом усе подпирал подбородок. Ее густые белые волосы были туго завиты и уложены в затейливую прическу.

Второй гость еще не прибыл, и, поджидая его, мы болтали о всяких пустяках.

– Эллиот говорит, вы ехали южным путем, – сказала миссис Брэдли. – Вы в Риме оставались?

– Да, я провел там неделю.

– Ну, как там поживает дорогая королева Маргарита?

Немного удивленный этим вопросом, я отвечал, что не знаю.

– Как, вы ее не навестили? Такая славная женщина. Она была к нам очень добра, когда мы жили в Риме. Мистер Брэдли был первым секретарем посольства. Что же вы ее не навестили? Вы же не Эллиот, не такой строгий католик, что вам и в Квиринале бывать нельзя?

– Отнюдь нет, – улыбнулся я. – Дело в том, что я с нею не знаком.

– Не знакомы? – Миссис Брэдли словно не поверила своим ушам. – А почему?

– Да потому, что писатели, как правило, не водят дружбу с королями и королевами.

– Но она такая милая женщина, – горячо возразила миссис Брэдли, словно обвиняя меня в высокомерии. – Я уверена, что она бы вам понравилась.

Тут дверь отворилась, и дворецкий доложил о приходе Грегори Брабазона.

Грегори Брабазон, несмотря на свою фамилию, не был романтической фигурой. Низенький, толстый, с лысой, как яйцо, головой – бахрома черных курчавых волос осталась только за ушами и на затылке, – красное бритое лицо, которое, казалось, вот-вот вспотеет, живые серые глаза, чувственные губы и тяжело обвисшие щеки. Он был англичанин, и я несколько раз встречался с ним на артистических вечеринках в Лондоне. Держался он всегда по-дружески весело и открыто, много смеялся, но не требовалось особого знания человеческой природы, чтобы понять, что за этой шумной общительностью скрывается цепкая деловая хватка. Уже несколько лет он слыл лучшим в Лондоне специалистом по внутренней отделке домов. У него был гулкий бас и маленькие пухлые руки, на редкость выразительные. Красноречивыми жестами, целым потоком взволнованных слов он умел так разжечь воображение сомневающегося клиента, что тот просто не мог не дать ему заказ, а принимал он этот заказ с таким видом, будто сам делает клиенту одолжение.

Дворецкий внес на подносе коктейли.

– Изабеллу ждать не будем, – сказала миссис Брэдли, беря с подноса бокал.

– А где она? – спросил Эллиот.

– Поехала с Ларри играть в гольф. Она предупредила, что, может быть, опоздает.

– Ларри – это Лоренс Даррел, – объяснил мне Эллиот. – Он считается женихом Изабеллы.

– А я и не знал, что вы пьете коктейли, Эллиот, – сказал я.

– Я и не пью, – ответил он мрачно. – Но что подделаешь в этой варварской стране с ее сухим законом? – Он вздохнул. – Теперь коктейли стали подавать и в некоторых домах в Париже. Вредоносные влияния пагубны для чистоты нравов.

– Какая чушь, Эллиот, – сказала миссис Брэдли.

Сказано это было добродушно, но так решительно, что выдало в ней женщину с характером; а по тому взгляду, который она бросила на брата, веселому, но проницательному, я сильно заподозрил, что она не обольщается на его счет. Интересно, подумал я, как она отнесется к Брабазону. Я заметил, что он еще с порога окинул комнату профессиональным взглядом и невольно вздернул косматые брови. А комната и вправду была поразительная. Обои, занавески и кретоновая обивка кресел были одного и того же рисунка; на стенах висели картины в массивных золоченых рамах, очевидно купленные супругами Брэдли в пору их проживания в Риме. Мадонны школы Рафаэля, мадонны школы Гвидо Рени, пейзажи школы Цукарелли, руины школы Паннини. Были тут и трофеи их пребывания в Пекине – столы черного дерева, не в меру изукрашенные резьбой, огромные расписные вазы, были и вещи, вывезенные из Чили и Перу, – обрюзгшие каменные идолы, глиняные сосуды. Был чиппендейловский секретер и столик-маркетри. Абажуры на лампах были из белого шелка, на котором какому-то художнику взбрело в голову изобразить пастушков и пастушек в духе Ватто. Все это было сплошное уродство и, однако же, не знаю почему, радовало глаз. Вид у комнаты был уютный, обжитой, и чувствовалось, что в этой невероятной мешанине есть какой-то смысл. Все эти несовместимые предметы составляли единое целое, потому что были частью жизни хозяйки.

Не успели мы допить коктейли, как дверь распахнулась и вошла девушка, а за нею молодой человек.

– Мы опоздали? – сказала она. – Я и Ларри привела. Найдется для него что-нибудь поесть?

– Надеюсь, – улыбнулась миссис Брэдли. – Позвони и скажи Юджину, пусть поставит еще один прибор.

– Он нам открывал дверь. Я ему уже сказала.

– Это моя дочь Изабелла, – обратилась миссис Брэдли ко мне. – А это – Лоренс Даррел. Изабелла наскоро поздоровалась со мной и тут же переключилась на Грегори Брабазона.

– Вы мистер Брабазон? Мне безумно хотелось с вами познакомиться. У Клементины Дормер вы создали просто чудо. Правда, эта комната какой-то кошмар? Я уже сколько лет уговариваю маму что-то с ней сделать, а сейчас, когда вы здесь, просто грех упускать такой случай. Скажите откровенно, что вы о ней думаете?

Я знал, что меньше всего от Брабазона можно ждать откровенности. Он бросил взгляд на миссис Брэдли, но лицо ее было непроницаемо. Тогда он решил, что равняться следует на Изабеллу, и громко, раскатисто рассмеялся.

– Комната, конечно, комфортабельная и все такое, – сказал он, – но, если уж говорить начистоту, эстетическое чувство она оскорбляет.

Изабелла была высокого роста и, видимо, унаследовала семейные черты – удлиненный овал лица, прямой нос, очень красивые глаза и полные губы. Она была хороша, хоть и немного полновата, но я решил, что с годами она постройнеет. И руки ее, красивые и крепкие, могли бы быть потоньше, и ноги, видные из-под короткой юбки, – тоже. У нее была прекрасная кожа и яркий румянец, пуще разгоревшийся после гольфа и возвращения домой в открытом автомобиле. Молодость была в ней ключом. Ее лучезарное здоровье, шаловливая веселость, жизнерадостность, счастье, написанное на ее лице, пьянили, как вино. Она была так естественна, что Эллиот при всей его элегантности выглядел рядом с ней чуть ли не манекеном. Так свежа, что поблекшее, в морщинках, лицо миссис Брэдли сразу показалось усталым и старым.

Мы спустились в столовую, при виде которой Грегори Брабазон растерянно заморгал. Здесь стены были оклеены темно-красными обоями под штоф и увешаны портретами угрю-

мых, сердитых мужчин и женщин, предков покойного мистера Брэдли. И сам он здесь был – с густыми усами, в парадном сюртуке с крахмальным воротничком. А миссис Брэдли, кисти французского художника девяностых годов, висела над камином в вечернем платье голубого атласа, с жемчугом на шее и бриллиантовой звездой в волосах. Одной рукой, унизанной кольцами, она касалась кружевного шарфа, столь искусно выпященного, что видна была каждая петелька, в другой небрежно держала веер из страусовых перьев. Мебель была массивная, мореного дуба.

– Ну, что вы скажете? – спросила Изабелла Грегори Брабазона, когда мы сели за стол.

– Этот гарнитур, несомненно, стоил больших денег, – отвечал он.

– Еще бы, – сказала миссис Брэдли. – Это отец мистера Брэдли подарил нам к свадьбе. Мы его повсюду с собой возили. В Пекин, в Лиссабон, в Кито, в Рим. Дорогая королева Маргарита очень им восхищалась.

– Что бы вы с ним сделали, если б он был ваш? – спросила Изабелла Брабазона, но Эллиот не дал ему ответить, а ответил сам:

– Сжег бы.

Они втроем принялись обсуждать, как лучше обставить столовую. Эллиот ратовал за Людовика XV, Изабелле виделся узкий стол, как в монастырских трапезных, и итальянские стулья. Брабазон высказался в том смысле, что с личностью миссис Брэдли будет лучше гармонировать чиппендейл.

– Я придаю огромное значение личности, – сказал он и обратился к Эллиоту: – Вы, конечно, знакомы с герцогиней Олифант?

– С Мэри? Мы с ней близкие друзья.

– Она просила меня придумать ей столовую, и я, как только ее увидел, сказал: Георг Второй.

– И были совершенно правы. Я обратил внимание на эту комнату, когда в последний раз у них обедал. Прелесть что такое.

Разговор продолжался все в том же духе. Миссис Брэдли слушала, но что она думает, было не понять. Я лишь изредка вставлял слово, а Ларри (фамилию его я успел забыть) вообще молчал. Он сидел напротив меня, между Брабазоном и Эллиотом, и я время от времени на него поглядывал. На вид он был очень молод. Худой, голенастый, примерно одного роста с Эллиотом. Внешность приятная, не красавец и не урод, ничего примечательного. Но вот что меня заинтересовало: хотя он, с тех пор как вошел в дом, не произнес, сколько помнится, и десяти слов, держался он совершенно свободно и, не раскрывая рта, словно бы даже участвовал в разговоре. Мне запомнились его руки – длинные, хотя по его росту и небольшие, красивые, но отнюдь не изнеженные. Мне подумалось, что любой художник был бы рад их написать. В его худобе не было ничего болезненного, напротив, он показался мне жилистым и выносливым. Лицо у него было загорелое, но не богатое красками, черты, хоть в общем правильные, довольно ординарные. Чуть выдающиеся скулы, чуть запавшие виски, волосы темно-каштановые, волнистые. Глаза казались очень большими, потому что были глубоко посажены и опущены длинными густыми ресницами. Необычные эти глаза были не чисто карие, как у Изабеллы, ее матери и дяди, а такие темные, что радужная оболочка сливалась со зрачком, и это делало его взгляд особенно пристальным. Было в нем какое-то прирожденное изящество, и нетрудно было понять, почему Изабелла им пленилась. Когда она взглядывала на него, я читал в ее лице не только любовь, но и ласку. А в его глазах, когда он ловил на себе ее взгляд, светила чудесная неприкрытая нежность. Нет ничего трогательнее, чем юная любовь, и я, как человек уже не первой молодости, завидовал им, но в то же время, неизвестно почему, испытывал к ним жалость. Это было глупо, ведь, насколько я знал, их счастьем ничто не грозило; обстоятельства как будто им благоприятствовали, так почему бы им не пожениться и не жить счастливо весь свой век, как в сказке.

Изабелла, Эллиот и Грегори Брабазон все толковали о новом убранстве дома, пытаюсь выведать у миссис Брэдли, считает ли она нужным хоть что-то предпринять, но она отделялась приветливыми улыбками.

– Не торопите меня. Дайте мне время подумать. – И повернулась к молодому человеку. – А как твое мнение, Ларри?

Он оглядел нас всех, улыбаясь одними глазами.

– По-моему, все равно, что так, что этак.

– Ларри, противный! – вскричала Изабелла. – Я же специально просила тебя нас поддержать.

– Если тете Луизе и так хорошо, зачем нужно что-то менять?

Вопрос его был так к месту и так разумен, что я рассмеялся. Тогда он посмотрел на меня и улыбнулся, уже не таясь.

– Ну вот, сболтнул глупость и радуешься, – сказала Изабелла.

Но он только улыбнулся еще шире, и я заметил, что зубы у него мелкие, белые и ровные. Под его взглядом Изабелла вспыхнула и притихла. Судя по всему, она была отчаянно в него влюблена, но у меня, сам не знаю почему, появилось ощущение, что в ее любви есть и что-то материнское. В такой молоденькой девушке это было неожиданно. С мягкой улыбкой на губах она опять повернулась к Грегори Брабазону.

– Не обращайтесь на него внимания. Он очень глупый и совершенно необразованный. Понятия не имеет ни о чем, кроме полетов.

– Полетов? – удивился я.

– Он был на войне авиатором.

– Я думал, он был слишком молод, чтобы воевать.

– Ну да, так оно и было. Он вел себя очень дурно. Удрал из школы и прямо в Канаду. Наврал там с три короба, убедил их, что ему восемнадцать лет, и поступил в авиацию. К концу войны он сражался во Франции.

– Гостям твоей мамы это неинтересно, Изабелла, – сказал Ларри.

– Я знаю его с пеленок, и, когда он вернулся, такой красавчик, с такими хорошенькими нашивками на френче, я, можно сказать, села у него на пороге и не ушла, пока он не обещал на мне жениться, – верно, для того только, чтобы я от него отстала. Конкуренция была зверская.

– Перестань, Изабелла, – остановила ее мать.

Ларри наклонился ко мне через стол.

– Надеюсь, вы не верите ни одному ее слову. Изабелла неплохая девушка, но любит приврать.

Завтрак кончился, и мы с Эллиотом скоро ушли. Я еще раньше говорил ему, что хочу сходить в музей, и он вызвался меня сопровождать. Смотреть картины я предпочитаю один, но сказать ему это было бы неудобно, и я согласился. По дороге мы заговорили про Изабеллу и Ларри.

– Прелестное это зрелище, молодые влюбленные, – сказал я.

– Молоды они, чтобы жениться.

– Почему? Это так хорошо: быть молодыми, влюбленными и пожениться.

– Бросьте, вздор это. Ей девятнадцать лет, ему только что минуло двадцать. Он нигде не работает. Есть крошечный доход. Луиза говорит – три тысячи годовых, а Луиза сама небогатая женщина. Лишних денег у нее нет.

– Ну, так он может поступить на работу.

– В том-то и дело, что он к этому не стремится. Бездельничает, как будто так и надо.

– На войне ему, надо полагать, пришлось несладко. Наверно, хочется отдохнуть.

– Он уже год как отдыхает. Вполне достаточно.

– Мне показалось, он славный мальчик.

– Да и я ничего против него не имею. Семья вполне почтенная, и все такое. Отец его переехал сюда из Балтимора. Был в Йельском университете профессором по романским языкам или что-то в этом роде. А мать была из Филадельфии, из старинного квакерского рода.

– Вы говорите о них в прошедшем времени. Они что, умерли?

– Да, мать умерла в родах, а отец лет двенадцать тому назад. Его воспитывал университетский товарищ отца, один врач из Марвина. Там Луиза и Изабелла с ним и познакомились.

– А Марвин это где?

– Там же, где поместье Брэдли. Луиза ездит туда на лето. Она жалела мальчика. Доктор Нелсон – холостяк, в воспитании детей ничего не смыслил. Это Луиза настояла, чтобы его отдали заканчивать школу в Сент-Пол, а на рождественские каникулы всегда приглашала его к себе. – Эллиот пожал плечами на французский манер. – Казалось бы, должна была предвидеть, чем это кончится.

Мы уже дошли до музея и теперь занялись картинами. И опять я отдал должное знаниям и вкусу Эллиота. Он водил меня по залам, словно я был группой туристов, и своими рассуждениями мог заткнуть за пояс любого искусствоведа. Я подчинился ему, решив, что приду еще раз и поброжу здесь один в свое удовольствие; через какое-то время он взглянул на часы.

– Пошли, – сказал он. – Я никогда не провожу в музее больше часа. Дольше нельзя – восприятие притупляется. Досмотрим в другой раз.

Я горячо поблагодарил его на прощание и пошел своей дорогой, напичканный сведениями, но несколько утомленный.

Провожая меня, миссис Брэдли сказала, что на следующий день у Изабеллы соберется к обеду кое-кто из молодежи, после обеда они поедут танцевать. Может быть, и я приду, тогда мы с Эллиотом могли бы спокойно побеседовать вечером.

– Порадуйте его, – добавила она. – Он так долго прожил за границей, что здесь чувствует себя не в своей тарелке. Ни с кем не может найти общий язык.

Я принял приглашение, и теперь, выходя из музея, Эллиот сказал мне, что очень этому рад.

– В этом огромном городе я как в пустыне, – сказал он. – Я обещал Луизе прогостить у нее шесть недель, мы не виделись с тысяча девятьсот двенадцатого года, а теперь жду не дождусь, когда смогу возвратиться в Париж. Только там и можно жить цивилизованному человеку. Дорогой мой, вы знаете, как на меня здесь смотрят? На меня смотрят как на ископаемое. Дикари.

Я посмеялся, и мы простились.

VI

На следующий день Эллиот по телефону предложил заехать за мной, но я отказался и к вечеру вполне благополучно добрался до дома миссис Брэдли. Меня задержал какой-то посетитель, так что я немного опоздал. Когда я поднимался по лестнице, из гостиной неслся такой шум, что я ожидал увидеть там целую толпу и был удивлен, насчитав вместе с собой всего двенадцать человек. Миссис Брэдли выглядела весьма импозантно в зеленых шелках, с ошейником из мелкого жемчуга; Эллиот в отлично сшитом смокинге был сама элегантность. Когда я с ним здоровался, все ароматы Аравии повеяли мне в лицо. Меня познакомили с грузным краснолицым мужчиной, который в вечернем костюме явно чувствовал себя стесненным. Его называли доктор Нелсон, но в ту минуту это мне ничего не сказало. Остальные гости были друзья Изабеллы, их имена я пропустил мимо ушей. Девушки все были молодые и хорошенькие, мужчины – молодые и ладные. Никого из них я особенно не отметил, кроме разве одного, и то лишь потому, что он был такой огромный – не меньше шести футов трех дюймов ростом, с могучими плечами. Изабелла была очень мила в белом шелковом платье с длинной узкой юбкой, скрывавшей ее толстые ноги; фасон платья подчеркивал ее хорошо развитую грудь, обнаженные руки были полноваты, зато шея прелестна. От веселого волнения красивые ее глаза так и сверкали. Да, несомненно, она была очень хороша и по-женски соблазнительна, но верно и то, что ей следовало остерегаться, как бы не располнеть сверх меры.

За обедом меня посадили между миссис Брэдли и тихой бесцветной девушкой, на вид еще моложе, чем остальные. Миссис Брэдли сразу же объяснила, что дед и бабушка ее живут в Марвине и она училась в одной школе с Изабеллой. Называли ее Софи, фамилию я не слышал. Разговор за столом шел громкий, пересыпанный шутками, то и дело прерываемый смехом. Все здесь, видимо, хорошо друг друга знали. Когда хозяйка дома не требовала моего внимания, я пытался поговорить со своей юной соседкой, но без особого успеха. Она была молчаливее других. Красотой не блистала, но мордочка у нее была забавная – вздернутый носик, большой рот и зеленовато-голубые глаза; волосы гладко причесаны, каштановые, с рыжеватым отливом. Очень худенькая и плоскогрудая, почти как мальчик. Шуткам она смеялась, но несколько натянуто, словно больше притворялась, что ей весело. Мне показалось, что она нарочно старается не отстать от других. Я не мог разобрать, то ли она глуповата, то ли болезненно застенчива, и, перепробовав несколько тем разговора, ни одной из которых она не поддержала, с горя попросил ее рассказать мне немножко обо всех, кто сидит за столом.

– Ну, доктора Нелсона вы знаете, – сказала она, указывая глазами на пожилого мужчину, сидевшего напротив меня по другую руку от миссис Брэдли. – Он опекун Ларри. Наш марвинский доктор. Ужасно умный. Он все изобретает разные приспособления для аэропланов, только никто не хочет их использовать, а в остальное время пьет.

По тому, как блеснули ее светлые глаза, когда она это говорила, я понял, что не так уж она проста. А она между тем стала перечислять мне своих сверстников, сообщая, кто их родители, а про мужчин – в каком колледже они учились и чем теперь занимаются. Это было не слишком вразумительно: «Она – прелесть», «Он хорошо играет в гольф».

– А кто вон тот великан с бровями?

– Этот? О, это Грэй Мэтюрин. У его отца в Марвине большущий дом на реке. Он наш миллионер. Мы им очень гордимся. Как-никак марка. «Мэтюрин, Хобс, Райнер и Смит». Он один из самых богатых людей в Чикаго, а Грэй – его единственный сын.

Она вложила в это перечисление фамилий столько тонкой иронии, что я взглянул на нее вопросительно. Заметив это, она покраснела.

– Расскажите мне еще про мистера Мэтюрина.

– Да рассказывать-то нечего. Он богат. Его все уважают. Он построил нам в Марвине новую церковь и пожертвовал миллион долларов Чикагскому университету.

– Сын его – видный молодой человек.

– Он славный. Даже не верится, что дед у него был нищий эмигрант-ирландец, а бабка – шведка, прислуживала в харчевне.

Внешность у Грэя была не столько красивая, сколько заметная. Черты грубоватые, словно бы недоделанные – тупой короткий нос, чувственный рот, ирландский румянец во всю щеку; волосы, иссиня-черные, гладко прилизаны, под густыми бровями – ясные, ярко-синие глаза. При таком мощном сложении он был очень пропорционален. Я представил его себе обнаженным и залюбовался. Сила в нем угадывалась незаурядная, это был ярко выраженный мужчина. Рядом с ним Ларри, хоть и всего дюйма на три ниже его ростом, казался тщедушным юнцом.

– Он пользуется огромным успехом, – продолжала между тем моя застенчивая соседка. – Многие девушки, я знаю, готовы чуть ли не убийство совершить, лишь бы он им достался. Но шансов у них ни малейших.

– Почему же?

– Вы, наверно, ничего не знаете?

– Откуда мне знать?

– Он до безумия влюблен в Изабеллу, а Изабелла влюблена в Ларри.

– А что ему мешает отбить ее у Ларри?

– Ларри его лучший друг.

– Это, надо полагать, усложняет дело.

– Для такого принципиального человека, как Грэй, – безусловно.

Я не был уверен, сказала она это всерьез или с чуть заметной насмешкой. В ее тоне не было ничего дерзкого или озорного, и все же у меня создалось впечатление, что она наделена и чувством юмора, и проницательностью. Интересно было бы узнать, что у нее на уме, но я понимал, что этого мне не дожидаться. Она была явно не уверена в себе, и я подумал, что, вероятно, она единственный ребенок и всю жизнь прожила среди людей намного ее старше. Мне нравилась ее скромность и сдержанность, но если она действительно росла одиноким ребенком, то, вероятно, втихомолку наблюдала за взрослыми, которые ее окружали, и составила себе о них вполне определенное мнение. Мы, зрелые люди, и не подозреваем, как беспощадно, и притом безошибочно, судят о нас дети. Я снова глянул в ее зеленоватые глаза.

– Вам сколько лет?

– Семнадцать.

– Много ли вы читаете? – спросил я, чтобы что-нибудь спросить, но она не успела ответить, потому что миссис Брэдли, как любезная хозяйка, нашла нужным отвлечь меня каким-то замечанием, а тут и обед подошел к концу. Молодежь сразу уехала выполнять намеченную программу, а мы вчетвером опять поднялись в гостиную.

Я не совсем понимал, зачем меня пригласили на этот вечер: остальные трое чуть не с первых слов заговорили на тему, которую им, казалось бы, удобнее было обсуждать без посторонних. Я уже подумывал о том, чтобы тактично встать и уйти, но меня удерживала мысль, что, может быть, я нужен им на роль беспристрастного свидетеля. Темой обсуждения было странное нежелание Ларри заняться делом, а непосредственным поводом – предложение мистера Мэтьюрина, чьего сына я видел за обедом, взять его на работу к себе в контору. Перед Ларри это открывало блестящие возможности. Можно было смело рассчитывать на то, что при должных способностях и усердии он со временем станет зарабатывать большие деньги. Грэй, его товарищ, только об этом и мечтал.

Многое из того, что тогда говорилось, я забыл, но суть разговора запомнил хорошо. Когда Ларри вернулся из Франции, доктор Нелсон, его опекун, предлагал ему поступить в университет, но Ларри отказался. Все понимали, что ему хочется передохнуть после тягот войны, к

тому же он дважды был ранен, хоть и легко. Доктор Нелсон считал, что он еще не оправился – пусть отдохнет до полного выздоровления. Но недели складывались в месяцы, и пошел уже второй год, как он снял военную форму. В авиации он отличился, первое время считался в Чикаго героем, в результате чего несколько крупных фирм приглашали его на работу. Он благодарил, но отказывался. Причин он не приводил, кроме одной: он еще не решил, чем хочет заняться. Он обручился с Изабеллой. Миссис Брэдли это не удивило, поскольку они годами были неразлучны и она знала, что Изабелла в него влюблена. Сама она любила его как сына и верила, что Изабелла будет с ним счастлива.

– У нее характер сильнее, чем у него. В ней есть как раз то, чего ему недостает.

Хотя оба были так молоды, миссис Брэдли была не против того, чтобы они поженились теперь же, но с одним условием: что Ларри сперва поступит на работу. Пусть у него есть кое-какие доходы, но на этом условии она стала бы настаивать, даже будь у него в десять раз больше. Насколько я понял, она и Эллиот надеялись выпытать у доктора Нелсона, каковы намерения Ларри, и просили его употребить свое влияние, чтобы заставить его принять предложение мистера Мэтюрина.

– Вы же знаете, он никогда не прислушивался к моим советам, – отбивался тот. – Мальчишкой и то делал все по-своему.

– Знаю. Вы его запустили. Удивительно еще, как он вообще не сбился с пути.

Доктор Нелсон, немало выпивший за обедом, сердито уставился на миссис Брэдли. Его красная физиономия покраснела еще гуще.

– Я был занят по горло. Работы и без него хватало. Я его взял к себе потому, что ему было некуда деваться, и потому, что дружил с его отцом. А мальчишка был трудный.

– Не понимаю, как вы можете так говорить, – резко возразила миссис Брэдли. – У него чудесный характер.

– Что прикажете делать с парнем, который никогда не спорит, а поступает как ему заблагорассудится, а рассердишься на него, раскричишься – только говорит, что ему очень жаль и кричи, мол, сколько влезет. Будь он моим сыном, я бы его порол. Но не мог я пороть круглого сироту, да и отец мне его завещал в надежде, что я его не обижу.

– Это к делу не относится, – раздраженно прервал его Эллиот. – Сейчас положение такое: без дела он слонялся достаточно, ему предлагают прекрасную возможность продвинуться и стать обеспеченным человеком, и, если он хочет жениться на Изабелле, он должен это предложение принять.

– Он должен понять, – добавила миссис Брэдли, – что в наше время мужчина не может не работать. Он давно уже выздоровел и окреп. Все мы знаем, как после войны между штатами некоторые мужчины, вернувшись из походов, потом до конца жизни палец о палец не ударили. Были обузой в семье и совершенно бесполезны для общества.

Тут и я вставил свое слово:

– Но как он сам объясняет, что не принял всех этих лестных предложений?

– А никак. Просто говорит, что это ему не подходит.

– Но чем-то заняться ему хочется?

– Видимо, нет.

Доктор Нелсон подлил себе виски. Отхлебнул и поднял глаза на своих старых друзей.

– Сказать вам, какое у меня ощущение? Может, я не бог весть какой знаток человеческой природы, но после тридцати пяти лет практики немножко в ней разбираюсь. Это все виновата война. Ларри вернулся не таким, каким уходил. И он не просто возмужал. Что-то с ним там случилось такое, что изменило всю его сущность.

– Что же это могло быть? – спросил я.

– Да вот не знаю. Делиться своими впечатлениями он не любит. – Доктор Нелсон повернулся к миссис Брэдли. – Вам он что-нибудь рассказывал, Луиза?

Она покачала головой.

– Нет. Сначала, когда он вернулся, мы всё расспрашивали его, как там было, а он только улыбался этой своей улыбкой и уверял, что рассказывать нечего. Он даже Изабелле не рассказывал. Уж она как старалась, но так ничего из него и не вытянула.

Мы еще поговорили, все так же невразумительно, а потом доктор Нелсон посмотрел на часы и сказал, что ему пора. Я хотел было уйти вместе с ним, но Эллиот упросил меня подождать. Когда мы остались втроем, миссис Брэдли извинилась, что надоедала мне их семейными делами, и выразила надежду, что я не очень скучал.

– Но, понимаете, меня это не на шутку заботит, – объяснила она в заключение.

– Мистер Моэм очень деликатный человек, Луиза, ему можно довериться. Я не думаю, чтобы Боб Нелсон откровенничал с Ларри, но все-таки мы с Луизой решили, что о некоторых вещах при нем лучше не упоминать.

– Эллиот!

– Ты столько ему рассказала, можно рассказать и остальное. Скажите, вы за обедом заметили Грэя Мэтьюрина?

– Он такой большой, как его не заметить.

– Он поклонник Изабеллы. Пока Ларри не было, он от нее не отходил. Он ей нравится: если бы война не кончилась, она вполне могла за него выйти. Он ей делал предложение. Она не сказала ни да, ни нет. Луиза догадалась, что она не хотела решать до возвращения Ларри.

– А почему он сам не был на войне? – спросил я.

– Перетрудил сердце футболом. Ничего страшного, но в армию его не взяли. Так или иначе, когда Ларри вернулся, его шансы свелись к нулю. Изабелла сразу ему отказала.

Не зная, какого отклика на это от меня ожидают, я промолчал. А Эллиот после паузы заговорил снова. Изысканные манеры, оксфордский выговор – ну точь-в-точь какое-нибудь высокое должностное лицо из английского министерства иностранных дел.

– Ларри, конечно, очень милый юноша и показал себя молодцом, когда сбежал и поступил в авиацию, но, уверяю вас, в людях я разбираюсь... – Он позволил себе самодовольную полуулыбку и единственный раз на моей памяти дал понять, что нажил состояние перепродажей произведений искусства. – Иначе я бы сейчас не владел толстенькой пачкой солидных акций. Так вот, я убежден, что из Ларри никогда не выйдет толку. Денег у него, можно сказать, никаких, положения тоже. Грэй Мэтьюрин – совсем другое дело. Он носит хорошую старую ирландскую фамилию. У них в роду был и епископ, и драматург, и несколько выдающихся военных и ученых.

– Откуда вам это известно? – спросил я.

– Как-то такие вещи узнаются, – ответил он уклончиво. – Да вот я только на днях просматривал в клубе Американский биографический словарь, и мне там попалась эта фамилия.

Я не считал нужным повторять то, что услышал за обедом от своей соседки про бедняка ирландца и шведку официантку – деда и бабушку Грэя. А Эллиот продолжал:

– Генри Мэтьюрина мы знаем много лет. Он прекрасный человек и очень богатый. Грэй поступает в лучшую маклерскую контору Чикаго. Перед ним открываются неограниченные возможности. Он хочет жениться на Изабелле, и для нее это безусловно отличная партия. Я бы лучшего не желал, и Луиза, разумеется, тоже.

– Ты слишком долго не был в Америке, Эллиот, – сказала миссис Брэдли, сухо улыбнувшись. – Ты забыл, что девушки здесь выходят замуж не потому, что их матери и дяди лучшего не желали бы.

– И гордиться тут нечем, Луиза, – резко отпарировал Эллиот. – Тридцатилетний опыт убедил меня в том, что брак, устроенный с должным учетом общественного и материального положения и общности интересов, имеет все преимущества перед браком по любви. Во Франции, а это в конечном счете единственная цивилизованная страна в мире, Изабелла не заду-

мываясь вышла бы за Грэя, а через год-другой, если бы захотела, взяла бы Ларри в любовники. А Грэй мог бы снять роскошную квартиру и поселить там какую-нибудь известную актрису, и все были бы довольны.

Миссис Брэдли была не глупа. Она взглянула на брата весело и лукаво.

– Горе в том, Эллиот, что нью-йоркские театры приезжают сюда каждый раз ненадолго, так что обитательницы той роскошной квартиры стали бы очень уж часто сменяться, а это могло бы нарушить семейный покой.

Эллиот улыбнулся.

– Ну, Грэй мог бы купить место на нью-йоркской бирже. В конце концов, если уж нужно жить в Америке, то имеет смысл жить только в Нью-Йорке.

Вскоре за тем я откланялся, но еще до этого Эллиот почему-то решил пригласить меня на завтрак, на который им уже были приглашены Мэтюрины, отец и сын.

– Генри – лучший тип американского бизнесмена, – сказал он. – Хорошо бы вы с ним познакомились. Он уже сколько лет советует нам, как помещать наши деньги.

Особенного желания идти у меня не было, но не было и причин отказываться. Я поблагодарил и согласился.

VII

В Чикаго мне предоставили комнату в одном клубе, располагавшем хорошей библиотекой, и на следующее утро я пошел туда посмотреть кое-какие университетские журналы, труднодоступные для тех, кто на них не подписан. Было еще рано, и в библиотеке я застал только одного посетителя. Он сидел с книгой в глубоком кожаном кресле. Я с удивлением увидел, что это Ларри. Вот уж кого я не ожидал встретить в таком месте. Он поднял голову, когда я проходил мимо него, узнал меня и хотел было встать.

– Сидите, сидите, – сказал я и спросил почти машинально: – Что хорошего читаете?

– Книжку, – ответил он с улыбкой, до того подкупающей, что этот нахальный ответ совсем не показался мне обидным.

Он закрыл книгу и, глядя на меня своими странными непрозрачными глазами, повернул ее так, чтобы мне не видно было заглавие.

– Хорошо провели вчера время? – спросил я.

– Замечательно. Домой добрался в пять часов утра.

– А сейчас уже здесь? Ну и энергия!

– Я сюда часто прихожу. Обычно в это время здесь никого не бывает.

– Ну, не буду вам мешать.

– Вы мне не мешаете, – сказал он и опять улыбнулся, и тут я подумал, что улыбка у него просто чарующая. Она не сверкала, не вспыхивала, а словно озаряла его лицо изнутри каким-то мягким светом. Он сидел в нише между полками, поставленными под углом к стене, рядом стояло второе кресло. Он коснулся его ручки. – Может быть, присядете?

– Ну что ж.

Он протянул мне свою книгу:

– Я вот что читал.

Это были «Научные основы психологии» Уильяма Джеймса. Что и говорить, это классический труд, важная веха в развитии психологической науки; к тому же это книга, которая удивительно легко читается; но странно было увидеть ее в руках у очень молодого человека, бывшего авиатора, только что протанцевавшего до пяти часов утра.

– Зачем вы это читаете? – спросил я.

– Я очень невежественный человек.

– И очень еще молодой, – улыбнулся я.

Он молчал так долго, что я начал этим тяготиться и уже готов был встать и отправиться на розыски интересующих меня журналов. Но мне казалось, что он вот-вот что-то скажет. Он смотрел в пространство серьезно и сосредоточенно, словно о чем-то размышляя. Я ждал. Мне было интересно, что за этим кроется. Наконец он заговорил – так, словно разговор и не прерывался, словно он не заметил долгого молчания.

– Когда я вернулся из Франции, все они хотели, чтобы я поступил в университет. А я не мог. После того, что я пережил, я просто думать не мог о том, чтобы опять сесть за парту. Впрочем, я и последний год в школе почти не учился. А первокурсником просто не мог себя представить. На меня смотрели бы косо. Притворяться не тем, что я есть, я не хотел. И боялся, что меня станут обучать совсем не тому, что меня интересовало.

– Конечно, мое дело сторона, – отвечал я, – но я не уверен, что вы были правы. Кажется, я вас понял, и я согласен, что после двух лет на войне вам не улыбалось стать тем вчерашним школьником, каким студент остается и на первом, и на втором курсе. Что на вас стали бы коситься – я не верю. Я мало знаком с американскими университетами, но думаю, что американские студенты не так уж отличаются от английских, разве что тон поглубже и развлечения попроще. Но, в общем, они очень порядочные и неглупые, и я думаю, что, если человек не

склонен жить их жизнью и сумеет проявить немного такта, они очень скоро перестанут его замечать. Братья мои учились в Кембридже, а я нет. Имел возможность, но не захотел. Мне не терпелось окунуться в жизнь. И теперь я об этом жалею. Думаю, что университет уберег бы меня от многих ошибок. А учиться под руководством опытных преподавателей быстрее. Если некому тебя вести, то и дело упираешься в тупик и теряешь даром массу времени.

– Возможно, вы правы. Но ошибки – это ничего. А вдруг в одном из тупиков я найду что-то для себя нужное?

– А чего вы ищете?

Он чуть помедлил.

– В том-то и дело, я еще сам толком не знаю.

Я промолчал, ответить было как будто нечего. Я-то еще в очень раннем возрасте поставил перед собой вполне определенную и ясную цель, поэтому его слова меня немного рассердили, но я тут же себя одернул; чисто интуитивно я угадывал в душе этого мальчика какую-то смутную тревогу – то ли недодуманные мысли, то ли неосознанные чувства не давали ему покоя, гнали его неведомо куда. Он будил во мне непонятное сочувствие. В сущности, я разговаривал с ним впервые и только теперь оценил, какой у него мелодичный голос. Это был до странности убедительный голос, голос-бальзам. Такой голос, и подкупающая улыбка, и эти выразительные черные-пречерные глаза – да, можно было понять, чем он пленил Изабеллу. В нем и в самом деле было что-то очень пленительное. Он повернулся ко мне и спросил без тени смущения, но глядя на меня пытливо и не без лукавства:

– Правильно я думаю, когда мы вчера уехали танцевать, у вас там был разговор обо мне?

– Был и о вас.

– Я так и думал, раз уж дядю Боба вытащили обедать. Он терпеть не может бывать в гостях.

– Вам, как я понимаю, предлагают хорошее место?

– Замечательное.

– И что же вы, ответите согласием?

– Едва ли.

– Почему?

– Не хочется.

Не люблю я вмешиваться не в свое дело, но тут мне подумалось, что именно потому, что я человек посторонний, да еще приехавший из другой страны, он сам не прочь поговорить со мной.

– Существует мнение, что когда человек ни на что иное не пригоден, он становится писателем, – усмехнулся я.

– Это не для меня. Таланта нет.

– Так что же вам хочется делать?

Он озарил меня своей чарующей улыбкой.

– Бездельничать.

– Едва ли Чикаго самое подходящее для этого место, – сказал я. – Ну, а пока я вас покину. Вы читайте, а я хочу заглянуть в «Йельский альманах».

Я встал. Когда я уходил из библиотеки, Ларри все еще читал Уильяма Джеймса. Я позавтракал в клубе один и решил еще часок посидеть в библиотеке – выкурить в тишине сигару, почитать, написать кое-какие письма. Ларри по-прежнему был погружен в свою книгу.казалось, он так и не сдвинулся с места после нашей беседы. И в четыре часа, когда я уходил, он все еще был там. Меня поразила его усидчивость. Он не заметил, когда я вошел, когда вышел. У меня было несколько дел в городе, и в клуб «Блекстоун» я вернулся только к вечеру, переодеться, чтобы ехать обедать. Из чистого любопытства я по дороге опять заглянул в библио-

теку. Теперь там было порядочно народу, большинство читали газеты. Ларри сидел все в том же кресле, углубившись все в ту же книгу. Чудеса!

VIII

На следующий день в ресторане отеля «Пальмер-Хаус» состоялась предложенная Эллиотом встреча с отцом и сыном Мэтюринами. Завтракали мы только четвером. Генри Мэтюрин был почти такого же огромного роста, как его сын, с красным мясистым лицом и таким же, как у сына, тупым, уверенным носом, но глаза у него были меньше, чем у Грэя, не такие синие и очень-очень зоркие. Было ему, очевидно, только-только за пятьдесят, но выглядел он на десять лет старше, и поредевшие волосы уже были белоснежно-седые. На первый взгляд он показался мне малопривлекательным. Впечатление было такое, что он уже много лет ни в чем себе не отказывал, что это человек грубый, смекалистый, знающий свое дело и – во всяком случае, в деловых вопросах – беспощадный. Сперва он говорил мало и словно задался целью меня раскусить. Эллиота, как я сразу заметил, он вообще не принимал всерьез. Грэй держался вежливо и любезно, но почти все время молчал, и настроение за столом было бы совсем никуда, если бы Эллиот с присущим ему тактом и ловкостью не занимал нас светскими разговорами. Я подумал, что в былые годы он приобрел немалый опыт обращения с дельцами Среднего Запада, когда уговаривал их заплатить бешеные деньги за картину старого мастера. Понемногу мистер Мэтюрин стал отгаивать и отпустил два-три замечания, показавших, что он умнее, чем кажется, и даже наделен суховатым чувством юмора. Разговор коснулся ценных бумаг, и я удивился бы тому, как Эллиот осведомлен в этом вопросе, если бы уже давно не пришел к выводу, что он, несмотря на свои чудачества, очень себе на уме. И тут мистер Мэтюрин вдруг заметил:

– Нынче утром я получил письмо от приятеля Грэя, Ларри Даррела.

– А ты мне и не сказал, папа, – удивился Грэй.

Мистер Мэтюрин обратился ко мне:

– Вы ведь знакомы с Ларри? – Я кивнул. – Грэй уломал меня взять его на работу. Они закадычные друзья. Послушать Грэя – лучше его нет человека на свете.

– И что он пишет, папа?

– Благодарит. И он, мол, понимает, какие это открывает возможности для молодого человека, и очень тщательно все обдумал и пришел к заключению, что он бы обманул мои ожидания, так что лучше ему отказаться.

– Очень глупо с его стороны, – сказал Эллиот.

– Согласен, – сказал мистер Мэтюрин.

– Мне ужасно жаль, папа, – сказал Грэй. – Так было бы здорово, если бы мы работали вместе.

– Насильно мил не будешь.

Говоря это, мистер Мэтюрин посмотрел на Грэя, и взгляд его зорких глаз смягчился. Я понял, что у этого жесткого дельца есть и вторая ипостась: он души не чаял в своем верзиле сыне. Он опять обратился ко мне:

– Вы знаете, в воскресенье этот малый обыграл меня семь к шести. Я чуть не дал ему клюшкой по голове. И что самое обидное – я же и научил его играть в гольф.

Гордость так и распирала его. Он начинал мне нравиться.

– Просто мне повезло, папа.

– Ничего подобного. Разве это везенье, когда человек прямо из впадины кладет мяч в шести дюймах от лунки? Тридцать пять ярдов, не меньше, вот какой это был удар. В будущем году хочу отправить его на чемпионат любителей.

– У меня на это времени не хватит.

– Это мне виднее. Не я, что ли, твой хозяин?

– Знаю, знаю. Недаром ты рвешь и мечешь, если мне случится опоздать в контору хоть на одну минуту.

Мистер Мэтьюрин весело хмыкнул.

– Хочет изобразить меня деспотом, – объяснил он мне. – Вы ему не верьте. Мое дело – это я, компаньоны у меня ни к черту, делом своим я горжусь. И малого своего стал натаскивать с азов, пусть продвигается постепенно, как любой наемный сотрудник, и чтобы был готов занять мое место, когда придет время. Такое дело, как у меня, – это огромная ответственность. Некоторых своих клиентов я обслуживаю по тридцать лет, и они мне доверяют. Я лучше себе в убыток поступлю, лишь бы сберечь их деньги.

Грэй рассмеялся.

– Тут недавно явилась одна старушенция, хотела поместить тысячу долларов в какое-то дутое предприятие, ей, видите ли, священник присоветовал; так он отказался принять у нее распоряжение, а когда она стала спорить, так на нее наорал, что она ушла вся в слезах. А потом позвонил тому священнику и ему тоже намылил голову.

– Про нас, маклеров, много чего говорят, но маклеры-то бывают разные. Я не хочу, чтобы люди теряли деньги, я хочу, чтобы они наживались, а они, во всяком случае большинство, такое выделывают, точно у них одна забота – как бы поскорее спустить все до последнего цента.

– Ну, что вы о нем скажете? – спросил Эллиот, когда Мэтьюрины укатили обратно в свою контору, а мы с ним вышли на улицу.

– Меня новые человеческие разновидности всегда интересуют. Эта взаимная любовь отца и сына очень трогательна. В Англии такое редко встретишь.

– Он обожает сына. А вообще он – странная смесь. То, что он сказал о своих клиентах, – сущая правда. Он опекает сбережения каких-то бесчисленных старух, военных в отставке, бедных священников. Казалось бы, зачем это ему, одна морока, но его самолюбию льстит, что они так свято в него верят. Зато уж если речь идет о крупной сделке, где ему противостоят могущественные интересы, тут он может себя показать и жестким, и безжалостным. Тут от него пощады не жди. Ни перед чем не остановится, а свой фунт мяса получит. Кто ему враг, того он мало что пустит по миру, но еще и руки будет потирать от удовольствия.

Вернувшись домой, Эллиот рассказал миссис Брэдли, что Ларри отклонил предложение Генри Мэтьюрина. Как раз в это время в комнату вошла Изабелла, завтракавшая у подруги. Сказали и ей. Последовал разговор, во время которого Эллиот, если верить тому, как он мне об этом рассказывал, проявил недюжинное красноречие. Хотя сам он последние десять лет не проработал и часа и хотя работа, которой он нажил себе прочный достаток, отнюдь не была изнурительной, он твердо держался того мнения, что рядовому человеку трудиться необходимо. Ларри – самый обыкновенный молодой человек, положения в обществе у него никакого, а значит, нет и причин нарушать похвальные обычаи своей родины. Такому прозорливому человеку, как Эллиот, было ясно, что Америка вступает в пору небывалого в ее истории процветания. Ларри представляется возможность оказаться среди первых, и при должном усердии он к сорока годам свободно может нажить несколько миллионов. А тогда, если он захочет удалиться от дел и вести жизнь джентльмена, скажем, в Париже, на авеню дю Буа, да еще приобрести замок в Турени, – пожалуйста, он, Эллиот, ничего не имеет против.

Луиза Брэдли, со своей стороны, высказалась не столь пространно, но недвусмысленно:

– Если он тебя любит, должен быть готов для тебя поработать.

Не знаю, что ответила на все это Изабелла, но она не могла не признать, что и мать, и дядя рассуждают здраво. Все ее знакомые молодые люди либо учились, готовясь к какой-нибудь профессии, либо уже поступили на службу. Не может же Ларри рассчитывать, что, если он отличился в авиации, этого хватит ему на всю жизнь. Война кончилась, всем она до смерти надоела, и все стараются как можно скорее про нее забыть. Разговор кончился тем, что Изабелла согласилась теперь же выяснить свои отношения с Ларри раз и навсегда. Миссис Брэдли подала мысль, чтобы она попросила Ларри свозить ее в автомобиле в Марвин. Ей нужно зака-

зять новые занавески для тамошней гостиной, а размеры она куда-то затеряла, вот Изабелле и поручение – перемерить их заново.

– Боб Нелсон покормит вас завтраком, – добавила она.

– А еще лучше вот что, – сказал Эллиот. – Дай им корзинку с завтраком, и пусть поедят на веранде, а потом и поговорить можно.

– Это бы хорошо, – сказала Изабелла.

– Ничего нет приятнее, чем импровизированный завтрак на свежем воздухе, – наизда-тельно произнес Эллиот. – Старая герцогиня д'Юсез говорила мне, что в такой обстановке самый строптивый мужчина и тот поддается на уговоры. Что ты им дашь на завтрак?

– Фаршированных яиц и сэндвичей с курицей.

– Глупости. Какой же это пикник без паштета? И еще, на закуску дай им креветок, залив-ную куриную грудку и салат латук, я его сам заправлю. А после паштета в виде уступки вашим американским вкусам – яблочный пирог.

– Я дам им фаршированных яиц и сэндвичей с курицей, Эллиот, – твердо повторила миссис Брэдли.

– Ну так попомни мои слова: ничего не выйдет, и все по твоей вине.

– Ларри ест очень мало, дядя Эллиот, – сказала Изабелла. – Он, по-моему, и не замечает, что ест.

– Надеюсь, ты не ставишь ему это в заслугу, бедная моя девочка, – отозвался Эллиот.

Но миссис Брэдли не дала сбить себя с толку. Позже Эллиот рассказал мне о результатах этой поездки, пожимая плечами, как истый француз.

– Говорил я им, что ничего не выйдет. Я просил Луизу подкинуть хоть бутылку мон-траше, из тех, что я прислал ей перед самой войной, но она меня не послушалась. Дала им только термос с горячим кофе. Чего же было и ждать?

А рассказал он мне, что сидел с Луизой в гостиной, когда автомобиль остановился у подъ-езда и Изабелла вошла в дом. Совсем недавно стемнело, занавески были задернуты, Эллиот, развалившись в кресле, читал роман, а миссис Брэдли вышивала экран для камина. Изабелла, не заходя в гостиную, прошла к себе в спальню. Эллиот посмотрел поверх очков на сестру.

– Наверно, пошла снять шляпу, – сказала та. – Сейчас явится.

Но Изабелла не явилась. Прошло несколько минут.

– Может быть, устала и прилегла.

– А ты разве не думала, что Ларри тоже зайдет?

– Ох, Эллиот, отстань.

– Да мне что ж. Дело ваше.

Он опять уткнулся в книгу. Миссис Брэдли продолжала вышивать. Но через полчаса она вдруг встала с места.

– Посмотрю, пожалуй, как она там. Если задремала, я не стану ее тревожить.

Она вышла, но очень скоро вернулась.

– Она плакала. Ларри уезжает в Париж. На два года. Она обещала его ждать.

– Зачем ему понадобилось ехать в Париж?

– Не задавай мне вопросов, Эллиот. Я не знаю. Она мне ничего не говорит. Сказала только, что понимает и не хочет ему мешать. Я ей говорю: «Если он готов расстаться с тобой на два года, значит, не очень тебя любит», а она: «Что же делать, главное – я-то его очень люблю». – «Даже после сегодняшнего?» – «После сегодняшнего, говорит, я его еще больше полюбила. Да и он меня любит, я уверена».

Эллиот помолчал, подумал.

– А через два года что будет?

– Говорю же тебе, не знаю.

– Очень это что-то неопределенно.

– Очень.

– Тут можно сказать только одно: оба они еще молоды. Подождать два года им не повредит, а за это время мало ли что может случиться.

Они решили пока оставить Изабеллу в покое. Вечером им предстоял званый обед.

– Я не хочу ее расстраивать, – сказала миссис Брэдли. – А то приедет туда заплаканная, еще пойдут кривотолки.

Но на следующий день, когда они втроем позавтракали дома, миссис Брэдли вернулась к этой теме. Впрочем, легче ей от этого не стало.

– Право же, мама, я уже все тебе рассказала.

– Но что он хочет делать в Париже?

Изабелла улыбнулась – она знала, каким нелепым ее ответ покажется матери.

– Бездельничать.

– Что?! Это как же надо понимать?

– Я только передаю, что он сказал.

– Нет, с тобой всякое терпение потеряешь. Будь у тебя хоть капля гордости, ты бы тут же разорвала помолвку. Он просто над тобой издевается.

Изабелла посмотрела на колечко, которое носила на левой руке.

– А что я могу поделать? Я его люблю.

Тут в разговор вступил Эллиот и, как всегда, проявил бездну такта. «Понимаете, дорогой, я говорил с ней не как дядя с племянницей, а просто как человек, знающий жизнь, с неопытной девушкой», – но тоже ничего не добился. У меня создалось впечатление, что Изабелла предложила ему – в вежливой форме, разумеется, – не соваться не в свое дело. Рассказывал он мне об этом в тот же день ближе к вечеру, сидя у меня в комнате.

– Луиза, конечно, права, – сказал он. – Все это очень неопределенно, но вот так и бывает, когда молодым людям позволяют самостоятельно устраивать свою судьбу, а для брака у них нет никаких оснований, кроме взаимной склонности. Я уговариваю Луизу не волноваться, по моему, все устроится не так уж плохо. Ларри будет далеко, а Грэй Мэтьюрин – рядом, ну и всякому, кто хоть немножко знает людей, ясно, к чему это приведет. В восемнадцать лет чувства горячи, но недолговечны.

– Житейской мудрости у вас хватает, Эллиот, – сказал я с улыбкой.

– Недаром же я читал Ларошфуко. Что такое Чикаго – вы знаете. Они постоянно будут встречаться. Девушке такая преданность всегда льстит, да еще когда она знает, что любая ее подруга хоть завтра вышла бы за него замуж, – ну скажите сами, в человеческих ли это силах устоять против искушения восторжествовать над всеми? Все равно как ехать на вечер, когда знаешь, что будешь смертельно скучать и вместо ужина подадут только лимонад с печеньем; так нет же, едешь, потому что знаешь, что лучшие твои подруги отдали бы все на свете, лишь бы туда поехать, а их не пригласили.

– Ларри когда уезжает? – спросил я.

– Не знаю. Кажется, это еще не решено.

Эллиот достал из кармана длинный плоский портсигар, платиновый с золотом, и извлек из него египетскую папиросу. Всякие «Фатимы», «Честерфилды», «Кэмелы» и «Лаки страйк» – это было не для него. Он посмотрел на меня и многозначительно улыбнулся.

– Конечно, Луизе я бы этого не стал говорить, но вам признаюсь: втайне я питаю к этому юноше симпатию. Я понимаю, во время войны он мельком увидел Париж, и не мне его осуждать, если он ощутил прелесть этого города, единственного города в мире для цивилизованного человека. Он молод, и ему, видно, хочется все испытать, прежде чем связать себя браком. Это очень естественно, так и должно быть. Я о нем позабочусь. Познакомлю его с кем нужно: манеры у него хорошие, несколько беглых указаний с моей стороны – и можно будет ввести его в любую гостиную. Я могу показать ему такую сторону парижской жизни, которую видят

лишь очень немногие американцы. Поверьте мне, милейший, рядовому американцу куда легче попасть в царствие небесное, чем в особняк на Сен-Жерменском бульваре. Ему двадцать лет, он не лишен обаяния, и я, вероятно, мог бы устроить ему связь с женщиной постарше его. Это придало бы ему лоск. Я всегда считал, что для молодого человека лучшее воспитание – это стать любовником женщины известного возраста и, разумеется, известного круга, *femme du monde*⁵, вы меня понимаете. Это сразу упрочило бы его положение в Париже.

– А миссис Брэдли вы это говорили? – улыбнулся я.

Эллиот поперхнулся смешком.

– Дорогой мой, если я чем-нибудь горжусь, так это своим тактом. Нет, ей я этого не говорил. Она, бедняжка, и не поняла бы меня. А мне в Луизе одно непонятно, как она, полжизни вращаясь в дипломатических кругах чуть ли не во всех столицах мира, умудрилась сохранить такой безнадежно американский образ мыслей.

⁵ Светской женщины (*фр.*).

IX

В тот вечер я был на обеде в большом каменном доме на Набережной, производившем такое впечатление, словно архитектор начал строить средневековый замок, а достроив до половины, передумал и решил превратить его в швейцарское шале. Приглашенных было не счесть, и, войдя в огромную пышную гостиную – сплошь статуи, пальмы, канделябры, старые мастера и мягкая мебель, – я был рад увидеть хотя бы несколько знакомых лиц. Генри Мэтьюрин представил меня своей худенькой, хрупкой, сильно накрашенной жене. Миссис Брэдли и Изабелла дружески со мной поздоровались. Изабелла была прелестна, красное шелковое платье очень шло к ее темным волосам и ярко-карым глазам. Она, казалось, была в ударе, и никто бы не догадался, что только накануне она прошла через такое мучительное испытание. Ее окружали несколько молодых людей, в том числе Грэй Мэтьюрин, и она весело с ними болтала. Обедали мы за разными столами, и я ее не видел, но позже, когда мы, мужчины, просидев невесть сколько времени за кофе с ликером и сигарами, вернулись наконец в гостиную, мне удалось с ней поговорить. Я не был с ней знаком достаточно близко, чтобы прямо коснуться того, о чем рассказал мне Эллиот, но у меня была в запасе новость, которой я надеялся ее порадовать.

– На днях видел в клубе вашего молодого человека, – сказал я как бы мимоходом.

– Правда?

Говорила она так же небрежно, как я, но я заметил, что она сразу насторожилась. Глаза стали внимательные и как будто испуганные.

– Он был в библиотеке, читал, – продолжал я. – Меня поразила его усидчивость. Он читал, когда я пришел туда в начале одиннадцатого, читал, когда я вернулся после завтрака, и все еще читал, когда я заглянул туда перед самым обедом. Очевидно, он часов десять подряд просидел в этом кресле.

– А что он читал?

– «Научные основы психологии» Уильяма Джеймса.

Она не смотрела на меня, так что трудно было судить, как мои слова были восприняты, но почему-то мне показалось, что они и озадачили ее, и успокоили. Тут хозяин дома потащил меня играть в бридж, а когда мы кончили играть, Изабелла с матерью уже уехали.

Х

Через несколько дней я зашел к миссис Брэдли проститься с ней и с Эллиотом. Я застал их за чаем. Вскоре после меня явилась Изабелла. Мы побеседовали о предстоящем мне путешествии. Я поблагодарил их за то, как любезно они приняли меня в Чикаго, и, просидев, сколько нужно, поднялся с места.

– Я дойду с вами до аптеки, – сказала Изабелла. – Я забыла купить там одну вещь.

Последнее, что я услышал от миссис Брэдли, было:

– Когда увидите дорогую королеву Маргариту, не забудьте передать от меня привет, хорошо?

Я уже отчаялся внушить ей, что не знаком с этой коронованной особой, и без запинки ответил, что передам непременно.

Выйдя на улицу, Изабелла лукаво поглядела на меня и спросила:

– Вы как, способны выпить содовой с мороженым?

– Попробую, – ответил я осторожно.

До самой аптеки Изабелла молчала, мне тоже было нечего сказать. Мы вошли и сели за столик, на стулья с гнутой проволочной спинкой и гнутыми проволочными ножками, очень неудобные. Я заказал две порции содовой с мороженым. У прилавка стояли несколько покупателей, еще две-три пары сидели за столиками, но они были заняты своими разговорами, так что мы оказались все равно что одни. Я закурил и стал ждать, пока Изабелла с довольным видом тянула напиток через длинную соломинку. Она, видимо, нервничала.

– Мне нужно было с вами поговорить, – начала она вдруг.

– Я так и понял, – улыбнулся я.

– Почему вы в тот вечер у Саттеруэйтсов сказали мне это про Ларри?

– Думал, вам будет интересно. Я не был уверен, хорошо ли вы себе представляете, что Ларри понимает под словом «бездельничать».

– Дядя Эллиот ужасный сплетник. Когда он сказал, что идет к вам в клуб поболтать, я сразу поняла, что он вам все обо всем расскажет.

– Не забудьте, мы с ним давно знакомы. Его хлебом не корми, дай только посудачить о чужих делах.

– Это верно. – Она улыбнулась, но это был лишь проблеск, глаза ее оставались серьезными. – Что вы скажете о Ларри?

– Я видел его всего три раза. По-моему, очень славный мальчик.

– И это все?

В голосе ее прозвучало разочарование.

– Нет, почему же. Мне, знаете ли, трудно сказать, ведь я его почти не знаю. Но, конечно, в нем много привлекательного: какая-то скромность, мягкость, дружелюбие... И в нем чувствуется редкое для его возраста самообладание. Чем-то он отличается от всех молодых людей, которых я здесь встречал.

Пока я подыскивал слова, чтобы выразить впечатление, мне самому не совсем ясное, Изабелла не сводила с меня глаз. Когда я умолк, она чуть вздохнула, словно бы с облегчением, а потом одарила меня очаровательной шаловливой улыбкой.

– Дядя Эллиот говорит, что часто дивился вашей наблюдательности. Он говорит, что вы буквально все замечаете, но что главное ваше достоинство как писателя – здравомыслие.

– Я мог бы назвать более ценное качество, – отозвался я сухо. – Например, талант.

– Понимаете, мне не с кем это обсудить. Мама смотрит на все только со своей точки зрения. Она хочет, чтобы мое будущее было обеспечено.

– Что ж, это естественно.

– А для дяди Эллиота значение имеет только положение в обществе. А мои друзья, то есть мои сверстники, считают, что Ларри – жалкий неудачник. Это ужасно обидно.

– Еще бы.

– Они не то что плохо к нему относятся. К нему нельзя относиться плохо. Но они не принимают его всерьез. Они все время его поддразнивают, а ему хоть бы что, он только смеется, и это выводит их из себя. Как сейчас обстоит дело, вы знаете?

– Только со слов Эллиота.

– Можно, я вам расскажу, что на самом деле произошло, когда мы ездили в Марвин?

– Разумеется.

Этот эпизод я частью восстановил по воспоминаниям о том, что она мне тогда рассказала, частью домыслил сам. Но разговор у них с Ларри был долгий, и сказано было, несомненно, куда больше того, что будет воспроизведено ниже. Думаю, что они, как всегда бывает в таких случаях, не только наговорили много такого, что не относилось к делу, но и без конца повторяли одно и то же.

Проснувшись утром и убедившись, что погода прекрасная, Изабелла позвонила Ларри, сказала, что мать посылает ее в Марвин с поручением, и просила свозить ее туда в автомобиле. На всякий случай она добавила термос с мартини к тому термосу с кофе, который миссис Брэдли велела Юджину уложить в корзинку. Машина у Ларри была новенькая, и он очень ею гордился. Он любил ездить быстро, от бешеной скорости настроение у обоих поднялось. Когда они приехали, Изабелла перемерила занавески, подлежащие замене, а Ларри записал нужные данные. Потом они устроились завтракать на веранде. Она была защищена от ветра, а солнце бабьего лета приятно пригревало. К дому вела грунтовая дорога, он выглядел отнюдь не нарядно, не то что старые деревянные дома в Новой Англии, и похвалиться мог разве что тем, что был поместительный и удобный; но с веранды открывался вид на длинный красный сарай с черной крышей, купу старых деревьев и необозримые бурые поля. Скучный вид, но в тот день солнце и яркие осенние краски придавали ему какую-то интимную прелесть. В этих огромных пространствах было что-то бодрящее. Зимой тут, наверно, было холодно, неприятно, уныло, знойным летом сухо, выжжено, нечем дышать, но в эту пору ландшафт веселил душу, самая безбрежность его манила в неведомые дали.

Они позавтракали с аппетитом, как свойственно молодости, им было хорошо вдвоем. Изабелла разлила кофе, Ларри закурил трубку.

– Ну, приступай, дорогая, – сказал он, лукаво улыбаясь глазами.

– К чему приступать? – спросила она, по мере сил разыгрывая удивление.

Он усмехнулся.

– Ты меня совсем уж за дурака принимаешь? Голову даю на отсечение, что ширина и высота ваших окон в гостиной твоей маме отлично известны. Не для этого ты просила меня сюда съездить.

Овладев собой, она улыбнулась ему ослепительной улыбкой.

– Может быть, я подумала, что хорошо бы нам с тобой провести денек наедине.

– Может быть, но едва ли. Скорее, я подозреваю, что дядя Эллиот тебе сказал, что я отклонил предложение Генри Мэтьюрина.

Говорил он легко и весело, и она решила отвечать ему в тон.

– Грэй, должно быть, ужасно разочарован. Ему так хотелось, чтобы вы работали вместе. Когда-то ведь нужно начинать, а чем дольше откладывать, тем будет труднее.

Он попыхивал трубкой, ласково ей улыбаясь, и она не могла разобрать, шутит он или говорит серьезно.

– А мне, знаешь ли, сдается, что я вовсе не мечтаю всю жизнь торговать ценными бумагами.

– Ну хорошо, тогда поступи в обучение к юристу или на медицинский.

- Нет, это тоже не для меня.
- Так чего же тебе хочется?
- Бездельничать, – отвечал он спокойно.
- Не дури, Ларри. Это ведь очень-очень серьезно.
- Голос ее дрогнул, глаза наполнились слезами.
- Не плачь, родная. Я не хочу тебя терзать.

Он пересел к ней ближе, обнял ее за плечи. В голосе его было столько ласки, что она не могла сдержать слезы. Но тут же вытерла глаза и заставила себя улыбнуться.

- Говоришь, что не хочешь меня терзать, а сам терзаешь. Пойми, ведь я тебя люблю.
- И я тебя люблю, Изабелла.

Она глубоко вздохнула. Потом сбросила с плеча его руку и отодвинулась.

– Давай говорить как взрослые люди. Мужчина должен работать, Ларри. Хотя бы из самоуважения. Мы – молодая страна, и долг мужчины – участвовать в ее созидательной работе. Генри Мэтьюрин только на днях говорил, что мы вступаем в такую пору, рядом с которой все достижения прошлого – ничто. Он сказал, что возможности развития у нас беспредельные, и он убежден, что к тысяча девятьсот тридцатому году мы будем самой богатой и самой великой страной во всем мире. Ведь это ужасно интересно, правда?

- Ужасно.

– Перед молодыми открыты все дороги. Тебе бы надо гордиться, что ты можешь принять участие в работе, которая нас ждет. Это так увлекательно.

– Наверно, ты права, – отвечал он смеясь, – Армор и Свифт будут выпускать все больше мясных консервов все лучшего качества, а Маккормик – все больше жнеек, а Генри Форд – все больше автомобилей. И все будут богатеть и богатеть.

- А почему бы и нет?
- Вот именно, почему бы и нет. Но меня, понимаешь, деньги не интересуют.
- Изабелла фыркнула.
- Дорогой мой, не говори глупостей. Без денег не проживешь.
- Немножко у меня есть. Это и позволяет мне делать, что я хочу.
- То есть бездельничать?
- Да, – улыбнулся он.
- Ох, Ларри, с тобой так трудно говорить, – вздохнула она.
- Мне очень жаль, но тут я бессилен.
- Неправда.

Он покачал головой. Помолчал, о чем-то задумавшись. Когда же наконец заговорил, то сказал нечто совсем уж несуразное:

- Мертвецы, когда умрут, выглядят до ужаса мертвыми.
- Что ты хочешь этим сказать? – спросила она растерянно.
- Да то, что сказал, – ответил он с виноватой улыбкой. – Когда находишься в воздухе совсем один, есть время подумать. И всякие странные мысли лезут в голову.
- Какие мысли?
- Туманные, – улыбнулся он. – Бессвязные. Путаные.

Изабелла обдумала его слова.

– А тебе не кажется, что, если бы ты стал работать, они бы прояснились и ты бы разобрался в себе?

- Я думал об этом. Я уже прикидывал, может, пойти работать плотником или в гараж.
- О Господи, Ларри, да люди подумают, что ты помешался.
- А это имеет значение?
- Для меня – да.

Опять наступило молчание. На этот раз первой заговорила она:

– Ты так изменился после Франции.

– Неудивительно. Со мной там много чего случилось.

– Например?

– Ну, что всегда бывает на войне. Один авиатор, мой лучший друг, спас мне жизнь, а сам погиб. Это было нелегко пережить.

– Расскажи.

Он посмотрел на нее с тоской в глазах.

– Не хочется мне об этом говорить. Да, в общем, такое каждый день случается.

Изабелла, отзывчивая душа, опять чуть не заплакала.

– Ты несчастлив, милый?

– Нет, – улыбнулся он. – Если несчастлив, так только оттого, что делаю тебе больно. – Он взял ее за руку, и в прикосновении его крепкой, сильной руки было что-то до того дружеское, до того бережное и нежное, что она прикусила губу, чтобы не разрыдаться. – Скорее всего я так и не успокоюсь, пока окончательно для себя все не решу, – сказал он задумчиво. – Ужасно трудно выразить это словами. Только начнешь – и сбиваешься. Говоришь себе: «Кто я такой, чтобы копаться в этих сложностях? Может, я просто возомнил о себе? Не лучше ли идти проторенной дорожкой, а там будь что будет?» А потом вспомнишь парня, который час назад был полон жизни, а теперь лежит мертвый, и так все покажется жестоко и нелепо. Поневоле задаешься вопросом, что такое вообще жизнь и есть ли в ней какой-то смысл или она всего лишь трагическая ошибка незрячей судьбы.

Невозможно было остаться спокойной, когда Ларри говорил этим своим особенным голосом, говорил запинаясь, словно против воли, но с такой щемящей искренностью. Изабелла не сразу нашла в себе силы заговорить.

– А тебе не стало бы легче, если бы на время уехать?

Она задала этот вопрос с замиранием сердца. Он долго не отвечал.

– Вероятно, стало бы. Я очень стараюсь относиться безразлично к тому, что обо мне думают, но это нелегко. Когда тебя осуждают, сам начинаешь осуждать других и делаешься себе противен.

– Так почему ж ты не уезжаешь?

– Из-за тебя, конечно.

– Не будем прятаться друг от друга, милый. Сейчас в твоей жизни для меня нет места.

– Это что значит, что ты расхотела быть со мной помолвленной?

Она заставила себя улыбнуться дрожащими губами.

– Нет, глупенький, это значит, что я согласна ждать.

– Может быть, год, может быть, два?

– Ничего. Может быть, и меньше. Ты куда поедешь?

Он посмотрел на нее пристально, словно хотел заглянуть ей в самое сердце. Она опять улыбнулась, чтобы скрыть отчаяние.

– Для начала я бы поехал в Париж. Я там никого не знаю. Никто не станет соваться в мою жизнь. Я несколько раз туда ездил в отпуск. Не знаю почему, я вбил себе в голову, что там все мои недоумения прояснятся. Это удивительный город, он рождает ощущение, что там можно без помехи додумать свои мысли до конца. Мне кажется, там я смогу понять, как мне жить дальше.

– А если не сможешь, тогда что?

Он усмехнулся.

– Тогда я вспомню, что, как всякий американец, наделен здравым смыслом, плюну на все, вернусь в Чикаго и возьмусь за любую работу, какую смогу получить.

Эта сцена так повлияла на Изабеллу, что она и рассказывать об этом не могла без волнения, а закончив, устремила на меня жалобный взгляд.

– Как по-вашему, я правильно поступила?

– По-моему, иначе вы поступить не могли, но вы к тому же выказали большую доброту, великодушие и понимание.

– Я его люблю и хочу, чтобы ему было хорошо. И знаете, в каком-то смысле я рада, что он уедет. Я хочу, чтобы он вырвался из этой враждебной атмосферы, и не только ради него хочу, но и ради себя. Я не могу осуждать людей, которые говорят, что из него ничего не выйдет. Я их за это ненавижу, а в глубине души боюсь, как бы они не оказались правы. Но насчет понимания это вы зря. Я абсолютно не понимаю, что ему нужно.

– Может быть, понимаете не столько разумом, сколько сердцем. А почему бы вам не выйти за него замуж теперь же и не уехать с ним в Париж?

В ее глазах мелькнула тень улыбки.

– Я бы с радостью. Но нет, не могу. И знаете, хоть и тяжело это сознавать, но я почти уверена, что без меня ему будет лучше. Если доктор Нелсон прав и у него это действительно затянувшиеся последствия военной травмы, тогда новая обстановка и новые интересы, безусловно, помогут ему вылечиться, а когда он снова придет в равновесие, то вернется в Чикаго и станет работать, как все. Я не хочу, чтобы мой муж сидел сложа руки.

Изабелла получила соответствующее воспитание и твердо усвоила правила, которые ей внушали с детства. О деньгах она не думала, потому что ей никогда не случалось в чем-либо себе отказывать, но инстинктом чувствовала, как много они значат. Деньги – это власть, влияние, общественный вес. И вполне естественно и очевидно, что обязанность мужчины – их наживать. В этом и должна состоять его работа.

– Меня не удивляет, что вы не понимаете Ларри, – сказал я, – потому что он, как мне кажется, сам себя не понимает. Если он избегает говорить о своей цели в жизни, так это, возможно, потому, что ясной цели у него и нет. Правда, я его почти не знаю и это только догадки, но что, если он сам не знает, чего ищет, и даже не уверен, есть ли чего искать? Может быть, то, что случилось с ним на войне, начисто лишило его душевного покоя. Может, он стремится к какому-то идеалу, скрытому за туманом неизвестности, – как астроном ищет звезду, о существовании которой судит только по математическим вычислениям.

– Я чувствую, что что-то все время его угнетает.

– Может быть, собственная душа? Может быть, он сам себя немного боится. Может быть, не убежден в подлинности того, что смутно прозревает внутренним оком.

– Он иногда производит на меня такое странное впечатление – как лунатик, который вдруг проснулся в каком-то незнакомом месте и не может сообразить, куда он попал. До войны он был такой нормальный. В нем чувствовался такой неумный вкус к жизни. Он был веселый, беззаботный, с ним было так легко, такой был смешной и милый. Что могло его до такой степени изменить?

– Трудно сказать. Иногда какая-нибудь мелочь способна оказать на нас действие, совершенно несообразное с ее фактическим значением. Все зависит от обстановки и от нашего настроения в ту минуту. Помню, я как-то в День всех святых, французы называют его Днем поминовения мертвых, пошел к обедне в деревенскую церковь, которую немцы порядком повредили во время своего первого вторжения во Францию. Церковь была полна солдат и женщин в черном. На кладбище выстроились рядами низкие деревянные кресты, и, пока шла служба, торжественная и печальная, и женщины плакали, да и мужчины тоже, мне подумалось, что, может быть, тем, кто лежит под этими крестами, лучше, чем нам, живым. Я поделился этой мыслью с одним знакомым, и он спросил, что я имею в виду. Объяснить я не мог, и он, конечно же, счел меня идиотом. А еще помню, как-то после боя я видел трупы французских солдат, сложенные в большую кучу. Они напомнили мне марионеток, которых прогоревший

актер-кукольник свалил как попало в пыльный угол, потому что они ему больше не нужны. И тогда я подумал то самое, что вам сказал Ларри: мертвецы выглядят до ужаса мертвыми.

Я не хочу внушить читателю, будто нарочно делаю тайну из того, что случилось с Ларри на войне и так сильно его потрясло, с тем чтобы в удобный момент эту тайну раскрыть. Вероятнее всего, он так никому и не рассказал об этом. Правда, много лет спустя он рассказал одной женщине, Сюзанне Рувье, которую мы оба знали, про того молодого пилота, который погиб, спасая ему жизнь. Она пересказала это мне, так что я знаю об этом только из вторых рук, и ее рассказ, как он мне запомнился, перевожу теперь с французского. По ее словам выходило, что во Франции Ларри крепко подружился с одним малым, служившим в той же эскадрилье. Имени его Сюзанна не знала, помнила только шутиливую кличку, которой его называл Ларри.

«Он был небольшого росточку, рыжий, – говорил Ларри. – Ирландец. Мы окрестили его Патси. Живчик был, каких мало. Энергия из него так и перла. Физиономия у него была забавная и ухмылка забавная, при одном взгляде на него смех разбирал. Дисциплины он не признавал, проказничал напропалую, начальники его чуть не каждый день распекали. Он не знал, что такое страх, и, побывав на волосок от смерти, только ухмылялся во весь рот, точно в ответ на хорошую шутку. Но авиатор он был Божьей милостью и в воздухе проявлял и выдержку, и осторожность. Он многому меня научил. Он был чуть постарше меня и оказывал мне покровительство. Очень это было смешно, потому что я был выше его ростом дюймов на шесть и, если б нам случилось сцепиться, в два счета его уложил бы. Один раз в Париже я так и сделал, потому что он был пьян и я боялся, что он влипнет в неприятную историю.

В эскадрилье я сначала не мог освоиться, боялся, что буду хуже всех, так он одними насмешками заставил меня поверить в свои силы. Войну он как-то не принимал всерьез, ненависти к немцам у него не было. Но подраться был не прочь и в воздушный бой вступал с превеликим удовольствием. Сбивая немецкий аэроплан, он при всем желании не мог в этом усмотреть ничего, кроме хорошей шутки. Он был нахальный, отчаянный, беспардонный, но было в нем что-то такое до того настоящее, что его нельзя было не любить. Отдавал последнее с такой же легкостью, как и брал. А если одолеет тебя тоска по родине или страх, как со мной бывало, сразу заметит, скорчит хитрую рожу и такое скажет, что живо приведет тебя в чувство».

Ларри затянулся трубкой, а Сюзанна молча ждала, что будет дальше.

«Мы с ним ловчили, чтобы одновременно получать увольнительные, и в Париже он совсем с цепи срывался. Мы здорово проводили там время. В начале марта, в восемнадцатом это было, нас как раз обещали отпустить на несколько дней, и мы заранее составили план кампании. Каких только развлечений себе не придумали! Накануне того дня нас послали облетать вражеские позиции и донести обо всем, что увидим. Вдруг откуда ни возьмись несколько германских аэропланов, и не успели мы оглянуться, как завязался бой. Один из них погнался за мной, но я стал стрелять первым. Хотел проверить, сбил я его или нет, и тут краем глаза увидел у себя на хвосте второго. Я спикировал, чтобы уйти от него, но он мгновенно меня настиг, и я уж думал, что мне крышка; но тут Патси коршуном налетел на него и всыпал ему как следует. Этого с них хватило, они от нас отстали, а мы повернули домой. Мою машину здорово покорежило, я еле дотянул. Патси сел первым. Когда я выбрался из кабины, его только что вынесли и положили на землю. Ждали санитарную машину. При виде меня он ухмыльнулся.

«Дал я тому мерзавцу, что висел у тебя на хвосте», – сказал он.

«А что с тобой, Патси?» – спросил я.

«Да пустяки. Он меня малость подбил».

Он был бледен как смерть. И вдруг лицо его странно изменилось. Он почувствовал, что умирает, а до этого такая возможность даже не приходила ему в голову. Он рывком приподнялся – его не успели удержать. Засмеялся, сказал: «О черт, надо же» – и упал мертвый. Ему было двадцать два года. В Ирландии его ждала невеста».

Через день после моего разговора с Изабеллой я уехал в Сан-Франциско, откуда мне предстояло плыть на Дальний Восток.

Глава вторая

I

С Эллиотом я увиделся только в июне следующего года, когда он приехал в Лондон. Я спросил про Ларри, попал ли он в конце концов в Париж. Да, попал. Раздражение, с каким говорил о нем Эллиот, меня слегка позабавило.

– Я ведь втайне питал к этому мальчику симпатию. Я не осуждал его желание провести годик-другой в Париже и был готов служить ему ментором. Я сказал ему, чтобы, как приедет, немедленно меня известил, но о приезде его узнал только из письма Луизы. Я написал ему до востребования на агентство «Америкен экспресс», такой адрес дала мне Луиза, и пригласил его к себе на обед, чтобы кое с кем познакомить. Для начала я наметил несколько дам из франко-американского круга – ну, например, Эмили Монтадур и Грэси де Шато-Гайар. Так знаете, что он мне ответил? Что приехать не может, потому что не привез с собой ни фрака, ни визитки.

Эллиот посмотрел на меня в упор, ожидая прочесть на моем лице изумление и ужас. Убедившись же, что я принял его сообщение спокойно, он презрительно вздернул брови.

– Он ответил мне на листке дешевой бумаги со штампом какого-то кафе в Латинском квартале. Я опять написал, просил дать мне знать, где он остановился. Я чувствовал себя обязанным как-то помочь ему ради Изабеллы и еще подумал, что он, может быть, стесняется. Понимаете, я просто не мог поверить, что молодой человек, если он не сумасшедший, мог приехать в Париж без вечерних костюмов, да, впрочем, и в Париже есть вполне приличные портные, и я пригласил его на завтрак, сказав, что народу будет совсем мало, а он, хотите – верьте, хотите – нет, не только оставил без внимания мою просьбу сообщить какой-нибудь адрес, кроме «Америкен экспресс», но написал, что днем никогда не завтракает. После этого я поставил на нем крест.

– Интересно, как он проводит время.

– Не знаю, да, по правде сказать, и знать не хочу. Боюсь, что иметь с ним дело нежелательно, и со стороны Изабеллы было бы серьезной ошибкой выйти за него замуж. Ведь если бы он вел нормальный образ жизни, я бы неизбежно встретил его в баре отеля «Ритц», или у Фуке, или еще где-нибудь.

Я и сам заглядывал иногда в эти фешенебельные рестораны, но заглядывал и в другие, и в начале осени того же года как раз провел несколько дней в Париже по пути в Марсель, откуда собирался отплыть в Сингапур на одном из пароходов компании Мессажери. Как-то вечером я обедал со знакомыми на Монпарнасе, а после обеда мы зашли в кафе «Куполь» выпить пива. Обводя взглядом террасу, я увидел Ларри, он сидел один за мраморным столиком и поглядывал на прохожих, наслаждавшихся вечерней прохладой после душного дня. Я извинился перед своими спутниками и подошел к нему. При виде меня лицо его оживилось, он приветливо мне улыбнулся и пригласил присесть, но я сказал, что не могу, так как я не один.

– Я просто хотел с вами поздороваться.

– Вы здесь надолго?

– Всего на несколько дней.

– Может быть, позавтракаем вместе завтра?

– А я думал, вы днем не завтракаете.

Он усмехнулся.

– Понятно, с Эллиотом вы уже виделись. Да, обычно не завтракаю, времени жалко, выпью стакан молока с бриошью, и все, но вас мне захотелось пригласить.

– Ну что ж.

Мы сговорились, что на следующий день встретимся тут же, выпьем по аперитиву, а потом позавтракаем где-нибудь поблизости. Я вернулся к своему столу. Мы еще посидели, поговорили, а когда я опять хотел найти глазами Ларри, оказалось, что он уже ушел.

II

Следующее утро прошло очень приятно. Я поехал в Люксембургский дворец и провел там час перед некоторыми из своих любимых картин. Потом погулял по саду, воскрешая воспоминания молодости. Здесь ничего не изменилось. Словно те же студенты ходили парами по дорожкам, горячо обсуждая писателей, волновавших их умы. Словно те же дети катали те же серсо под бдительным надзором тех же нянек. Словно те же старики и те же пожилые женщины в трауре сидели на скамейках и обменивались мнениями о ценах на мясо и кознях прислуги. Потом я пошел к театру «Одеон», поглядел, какие книжные новинки выставлены на галереях, и увидел молодых людей, которые так же, как я тридцать лет назад, под недовольными взглядами продавцов в синих блузах норовили прочесть возможно больше страниц из книг, недоступных для их тощего кошелька. Потом по милым моему сердцу невзрачным улицам я выбрался на бульвар Монпарнас и так дошел до кафе «Куполь». Ларри меня ждал. Мы выпили и отправились в ресторанчик, где можно было поесть на воздухе.

Ларри, пожалуй, немного осунулся с тех пор, как я видел его в Чикаго, так что его темные глаза в глубоких глазницах казались совсем черными, но держался он с тем же самообладанием, удивительным в столь молодом человеке, и улыбался так же неотразимо. Когда он заказывал завтрак, я заметил, что по-французски он говорит свободно и без акцента. Я похвалил его за это.

– Немножко я знал французский и раньше, – объяснил он. – У Изабеллы была гувернантка-француженка, и, когда они жили в Марвине, она заставляла нас весь день говорить по-французски.

Я спросил, нравится ли ему Париж.

– Очень нравится.

– Вы живете на Монпарнасе?

– Да, – ответил он после едва заметной паузы, которую я истолковал как нежелание высказаться точнее.

– Эллиота серьезно огорчило, что вы не дали ему никакого адреса, кроме «Америкен экспресс».

Он улыбнулся, но промолчал.

– Как вы проводите время?

– Бездельничаю.

– Читаете?

– Да, читаю.

– С Изабеллой переписываетесь?

– Изредка. Писать письма мы оба ленимся. Она всю веселится в Чикаго. Будущей осенью они с тетей Луизой приедут к Эллиоту погостить.

– Рад за вас.

– Изабелла, по-моему, никогда не была в Париже. Забавно будет все ей здесь показать.

Он расспросил меня о моем путешествии в Китай и слушал мои рассказы внимательно, но навести разговор на него самого мне не удалось. Он так упорно отмалчивался, что я поневоле заключил, что пригласил он меня с единственной целью побыть в моем обществе; это было и лестно, и непонятно. Не успели мы допить кофе, как он подозвал официанта, расплатился и встал.

– Ну, мне надо бежать.

Мы расстались. Ничего нового я о нем так и не узнал и больше его не видел.

III

Когда миссис Брэдли с Изабеллой уже весной, раньше, чем было намечено, приехали к Эллиоту в гости, меня в Париже не было; и снова я вынужден призвать на помощь воображение, рассказывая о том, что произошло за те несколько недель, что они там провели. Пароход доставил их в Шербур, и Эллиот, любезный, как всегда, встретил их на пристани. Они прошли таможенный досмотр. Поезд тронулся. Эллиот не без самодовольства сообщил, что нанял для них очень хорошую горничную, и когда миссис Брэдли сказала, что это лишнее, что горничная им не нужна, он строго отчитал ее.

– Что это такое в самом деле, Луиза, не успела приехать, как уже споришь. Без горничной вам не обойтись, и Антуанетту я нанял, заботясь не только о вас, но и о себе. Для меня очень важно, как вы будете выглядеть.

Он окинул их дорожные костюмы неодобрительным взглядом.

– Вы, конечно, захотите закупить новых платьев. По зрелом размышлении я решил, что лучше всего вам подойдет Шанель.

– Раньше я всегда одевалась у Ворта, – сказала миссис Брэдли.

Он пропустил ее слова мимо ушей.

– Я сам переговорил с Шанель, и мы условились, что вы будете там завтра в три часа. Затем шляпы. Тут я рекомендую Ребу.

– Я не хочу много тратить, Эллиот.

– Знаю. Все расходы я беру на себя. Вы должны быть одеты так, чтобы я мог вами гордиться. И еще вот что, Луиза, я подготовил для вас несколько интересных вечеров, и я говорю моим друзьям, что Мирон был послом – он, конечно, и был бы послом, проживи он немного дольше, а звучит это эффектнее. Вероятно, речь об этом и не пойдет, но я решил тебя предупредить.

– Чудак ты, Эллиот.

– Вовсе нет. Я знаю жизнь. И знаю, что вдова посла в глазах людей значит больше, чем вдова советника посольства.

Когда показался Северный вокзал, Изабелла, стоявшая у окна, воскликнула:

– А вот и Ларри!

Едва поезд остановился, она соскочила на платформу и побежала ему навстречу. Он обнял ее.

– Откуда он узнал о вашем приезде? – ледяным тоном спросил Эллиот.

– Изабелла послала ему телеграмму с парохода.

Миссис Брэдли расцеловала его, а Эллиот волей-неволей протянул ему руку. Было десять часов вечера.

– Дядя Эллиот, можно Ларри прийти к нам завтра ко второму завтраку? – Она повисла у Ларри на руке, лицо ее светилось, глаза сияли.

– Я был бы очень рад, но он дал мне понять, что днем не завтракает.

– Ну, завтра позавтракает, правда, Ларри?

– Правда, – улыбнулся он.

– Тогда милости прошу к часу дня.

Он снова протянул руку, как бы прощаясь, но Ларри ответил ему откровенной усмешкой.

– Я помогу с багажом и приведу вас такси.

– Мой автомобиль ждет, а о багаже позаботится мой лакей, – произнес Эллиот с достоинством.

– Чудесно. Тогда можно ехать. Если для меня найдется место, я доеду с вами до вашего дома.

– Да, Ларри, обязательно, – сказала Изабелла.

Они пошли по перрону рядом, а Эллиот с сестрой чуть позади. Лицо Эллиота выражало холодное осуждение.

– *Quelles manières*⁶, – пробормотал он, ибо в некоторых случаях считал уместным выражать свои чувства по-французски.

На следующее утро в одиннадцать часов он закончил свой туалет (рано вставать он не любил), после чего через своего лакея Жозефа и горничную Антуанетту послал сестре записку с просьбой прийти в библиотеку побеседовать без помехи. Когда она пришла, он старательно прикрыл дверь, закурил папиросу в очень длинном агатовом мундштуке и сел.

– Насколько я понял, Ларри и Изабелла все еще считаются женихом и невестой?

– Как будто так.

– К сожалению, я могу тебе сообщить о нем мало хорошего. – И он рассказал сестре, как готовился ввести Ларри в общество, как собирался устроить его подобающим образом. – Я даже присмотрел одну холостую квартирку, которая подошла бы ему как нельзя лучше. Ее снимает молодой маркиз де Ретель, но он хотел ее сдать от себя, потому что получил назначение в посольство в Мадриде.

Но Ларри отклонил его предложение, ясно дав понять, что в его помощи не нуждается.

– Какой смысл приезжать в Париж, если не хочешь взять от Парижа то, что он может дать, – это выше моего понимания. Мне неизвестно, где и как он проводит время. По-моему, он ни с кем не знаком. Вы хоть знаете, где он живет?

– Он дал только этот адрес – «Америкен экспресс».

– Как коммивояжер или школьный учитель на каникулах. Я не удивился бы, узнав, что он живет с какой-нибудь гризеткой в студии на Монмартре.

– Эллиот!

– А как иначе объяснить, что он скрывает свое местожительство и не желает общаться с людьми своего круга?

– Не похоже это на Ларри. А вчера разве тебе не показалось, что он чуть не больше прежнего влюблен в Изабеллу? Не мог бы он так притворяться.

Эллиот только пожал плечами, как бы говоря, что мужскому коварству нет предела.

– А как там Грэй Мэтьюрин, еще не отступился?

– Он женился бы на Изабелле хоть завтра, если б она согласилась.

И тут миссис Брэдли рассказала, почему они приехали в Европу раньше, чем предполагали. Она стала плохо себя чувствовать, и врачи нашли у нее диабет. Форма нетяжелая, и при должной диете и умеренных дозах инсулина она вполне может прожить еще много лет, но сознание, что она больна неизлечимой болезнью, усилило ее тревогу за будущее дочери. Они все обговорили. Изабелла проявила благоразумие. Она согласилась, что если Ларри и после двух лет в Париже откажется вернуться в Чикаго, тогда останется одно – порвать с ним. Но самой миссис Брэдли представлялось обидным дожидаться назначенного срока, а потом увозить его обратно на родину, точно преступника, скрывающегося от правосудия. И для Изабеллы это значило бы поставить себя в унижительное положение. Зато ничего не могло быть естественнее, чем провести лето в Европе, где Изабелла не бывала с детства. Они поживут в Париже, потом поедут на какой-нибудь курорт, где миссис Брэдли сможет полечиться водами, оттуда ненадолго в Австрийский Тироль и дальше, не спеша, по Италии. В планы миссис Брэдли входило пригласить в это путешествие Ларри, чтобы дать им с Изабеллой возможность проверить, не изменились ли их чувства под влиянием долгой разлуки. Тут уж окончательно выяснится, готов ли Ларри, порезвившись на воле, стать взрослым человеком, ответственным за свои поступки.

⁶ Какие манеры (*фр.*).

– Генри Мэтьюрин был очень на него сердит, когда он отказался от предложенного места, но Грэй уломал его, и Ларри, если захочет, будет принят к нему в контору, как только вернется в Чикаго.

– Славный малый этот Грэй.

– Еще бы, – вздохнула миссис Брэдли. – С ним-то Изабелла была бы счастлива, это я знаю.

Затем Эллиот рассказал ей, какие развлечения он для них подготовил. Завтра он дает завтрак, в конце недели – званый обед. Еще он повезет их на раут к Шато-Гайарам и уже заручился для них приглашениями на бал у Ротшильдов.

– Ларри ты ведь тоже пригласишь?

– Он заявил мне, что у него нет вечерних костюмов, – фыркнул Эллиот.

– А ты все равно пригласи. Он как-никак милый, и нет никакого смысла его отстранять, только Изабеллу против себя восстановишь.

– Ну конечно, приглашу, если тебе так хочется.

К завтраку Ларри явился без опоздания, и Эллиот, как человек воспитанный, выказывал ему подчеркнутую сердечность. Это, впрочем, было нетрудно: Ларри был так весел, так оживлен, что только человек, куда более злонравный, чем Эллиот, мог не поддаться его очарованию. Разговор шел о Чикаго и о тамошних общих знакомых, так что Эллиоту, в сущности, оставалось только делать любезное лицо и притворяться, что его интересуют дела людей, не занимающих, по его мнению, никакого положения в обществе. Слушал он, положим, не без удовольствия; его даже умиляло, как они упоминали о том, что такие-то двое помолвлены, такие-то поженились, а такие-то развелись. Кто о них когда слышал? Ему-то, например, известно, что хорошенькая маркиза де Кленшан пыталась отравиться, потому что ее бросил любовник, принц де Коломбе, чтобы жениться на дочери какого-то южноамериканского миллионера. Вот об этом действительно стоило поговорить. Поглядывая на Ларри, он был вынужден признать, что в нем есть что-то привлекательное; эти глубоко посаженные, до странности черные глаза, высокие скулы, бледная кожа и подвижный рот напомнили Эллиоту один портрет кисти Боттичелли, и ему подумалось, что если бы одеть Ларри в костюм той эпохи, он выглядел бы до крайности романтично. Он вспомнил, что подумывал свести его с какой-нибудь именитой француженкой, и лукаво улыбнулся при мысли, что на субботний обед приглашена Мари-Луиза де Флоримон, сочетающая безупречные семейные связи с заведомо безнравственным поведением. В сорок лет она выглядела на тридцать; она унаследовала утонченную красоту своей бабки, увековеченную на портрете Натъе, который сейчас, не без помощи самого Эллиота, попал в одну из знаменитейших американских коллекций; и как женщина была поистине ненасытна. Эллиот решил, что за обедом посадит ее рядом с Ларри. Она, конечно, не замедлит сделать так, чтобы ее желания стали ему понятны. Для Изабеллы у него уже припасен интересный молодой атташе Британского посольства. Поскольку Изабелла очень хорошенькая, а он англичанин, и притом со средствами, то обстоятельство, что она небогата, роли не играет. Разомлев от превосходного монтраше, поданного к первому блюду, и от последовавшего за ним отличного бордо, Эллиот безмятежно созерцал широкие возможности, открывавшиеся его внутреннему взору. Если все пойдет так, как он рассчитывает, у бедной Луизы не будет больше причин тревожиться. Она всегда к нему придиралась; она, бедняжка, очень провинциальна; но он ее любит. Приятно, что, опираясь на свое знание жизни, он может избавить ее от серьезных забот.

Дабы не терять времени, Эллиот подгадал так, чтобы везти своих дам выбирать туалеты сразу после завтрака, а потому, едва все встали из-за стола, с присущим ему тактом намекнул Ларри, что пора и честь знать, однако тут же настойчиво и радушно пригласил его на оба задуманных им приема. Впрочем, он мог особенно не стараться – Ларри принял оба приглашения с полуслова.

Но планы Эллиота рухнули. Он вздохнул с облегчением, когда Ларри явился на обед в очень приличной визитке, ведь он побаивался, что увидит его в том же синем костюме, который был на нем за завтраком; а после обеда, уединившись с Мари-Луизой де Флоримон в углу гостиной, спросил, как ей понравился его молодой друг американец.

– У него красивые глаза и хорошие зубы.

– И только? Я посадил его рядом с вами, потому что решил, что он вполне в вашем вкусе.

Она глянула на него испытующе.

– Он мне сказал, что помолвлен с вашей хорошенькой племянницей.

– *Voyons, ma chère*⁷, то соображение, что мужчина принадлежит другой, никогда еще не мешало вам хотя бы попытаться его отнять.

– Так вы вот чего от меня хотите? Ну нет, мой бедный Эллиот, таскать для вас каштаны из огня я не намерена.

Эллиот усмехнулся.

– Это, видимо, надо понимать так, что вы испробовали на нем ваши методы и убедились, что ничего не выйдет?

– За что я вас люблю, Эллиот, так это за то, что моральные критерии у вас как у содержательницы борделя. Вы не хотите, чтобы он женился на вашей племяннице. Почему? Он хорошо воспитан и очень обаятелен. Правда, наивен сверх меры. По-моему, он и не догадался, к чему я клоню.

– Вам бы следовало выразиться яснее.

– Я достаточно опытна, чтобы понять, когда я даром трачу время. Ему нужна только ваша маленькая Изабелла, а у нее, между нами говоря, передо мною преимущество в двадцать лет. И она очень мила.

– Платье ее вам понравилось? Это я выбирал.

– Платье красивое и ей к лицу. Но шика у нее, разумеется, нет.

Эллиот воспринял ее слова как упрек по своему адресу и решил, что этого он госпоже де Флоримон не спустит. Он любезно улыбнулся.

– Мой милый друг, такой шик, как у вас, приобретается только в зрелые годы.

Оружием госпоже де Флоримон служила не рапира, а скорее дубина. От ее ответа вся виргинская кровь Эллиота так и вскипела.

– Но это ничего, в вашей прекрасной стране гангстеров (*votre beau pays d'apaches*) едва ли заметят отсутствие свойства столь тонкого и неподражаемого.

Впрочем, злословила только госпожа де Флоримон, остальные же друзья Эллиота были в восторге и от Изабеллы, и от Ларри. Им нравилась ее прелестная свежесть, ее быстрое в глаза здоровье и жизнерадостность, нравилась его живописная внешность, хорошие манеры и тихий иронический юмор. К тому же оба отлично говорили по-французски, в то время как миссис Брэдли, прожив столько лет среди дипломатов, говорила правильно, но с неистребимым американским акцентом. Эллиот оставался щедрым и радушным хозяином. Изабелла, радуясь своим новым платьям и новым шляпам, жадно хватаясь за все увеселения, какие поставлял ей Эллиот, и счастливая близостью Ларри, чувствовала, что еще никогда так не наслаждалась жизнью.

⁷ Полноте, дорогая (*фр.*).

IV

Эллиот держался того мнения, что утренний завтрак следует вкушать в одиночестве или, в случае крайней необходимости, с совсем уж посторонними людьми; поэтому миссис Брэдли волей-неволей, а Изабелла даже с удовольствием пили утренний кофе каждая у себя в спальне. Но иногда Изабелла просила Антуанетту отнести ее поднос в комнату матери, чтобы поболтать с ней за чашкой кофе с молоком. Жизнь ее была так заполнена, что только в это время суток они и могли побыть наедине. В одно такое утро, когда они прожили в Париже уже около месяца, миссис Брэдли сперва выслушала ее рассказ о том, как она и Ларри с компанией друзей полночи кочевали из одного ночного клуба в другой, а потом задала вопрос, который держала в мыслях с самого их приезда:

- Когда он вернется в Чикаго?
- Не знаю. Он об этом не говорил.
- А ты его не спрашивала?
- Нет.
- Боишься?
- Нет, что ты.

Миссис Брэдли в роскошном матинэ, которое Эллиот непременно захотел ей подарить, полировала ногти, полулежа на кушетке.

- О чем же вы с ним говорите все время, когда бываете одни?
- А мы не все время говорим. Нам просто хорошо вместе. Ты же знаешь, Ларри всегда был молчаливый. По-моему, когда мы разговариваем, говорю больше я.
- Что он тут подделявал один?
- Право, не знаю. Кажется, ничего особенного. Наверно, жил в свое удовольствие.
- А где он живет?
- И этого не знаю.
- Видно, он стал очень скрытный?

Изабелла закурила сигарету и, выпустив через нос струйку дыма, спокойно поглядела на мать.

- Что ты хочешь этим сказать, мама?
 - Дядя Эллиот думает, что он снимает квартиру и живет там с какой-то женщиной.
- Изабелла расхохоталась.

- Но ты же в это не веришь?

– Честно говоря, нет. – Миссис Брэдли критически оглядела свои ногти. – Ты сама с ним когда-нибудь говорила о Чикаго?

- Очень часто.
- И он ни разу не упомянул, что собирается домой?
- По-моему, нет.
- В октябре будет два года, как он уехал.
- Я знаю.

– Что ж, милая, дело твое, поступай как знаешь. Но чем дольше откладываешь, тем бывает труднее. – Она взглянула на дочь, но Изабелла отвела глаза. Миссис Брэдли ласково ей улыбнулась. – Беги принимать ванну, не то еще опоздаешь к завтраку.

- Мы завтракаем с Ларри. Поедем с ним куда-то в Латинский квартал.
- Ну, дай вам Бог.

Ларри зашел за ней через час. Они взяли такси до моста Сен-Мишель, а оттуда не спеша прошли по бульвару до первого приглянувшегося им кафе. Они сели на террасе и заказали по порции дубоннэ. Потом опять взяли такси и поехали в ресторан. Аппетит у Изабеллы был

отменный, ей нравились все вкусные вещи, которые Ларри для нее заказывал. Ей нравилось смотреть на людей, сидевших к ним вплотную, потому что ресторан был переполнен, ее смешило явное наслаждение, с каким они поглощали пищу; но больше всего она наслаждалась тем, что сидит за крошечным столиком вдвоем с Ларри. Он с таким интересом слушал ее веселую болтовню. Чудесно было чувствовать себя с ним так свободно. Но где-то в ней гнездились смутное беспокойство, потому что, хотя и он как будто чувствовал себя свободно, ей казалось, что причина этого не столько в ней, сколько в окружавшей его обстановке. То, что утром сказала ей мать, немного ее смутило, и она, не прекращая своей, казалось бы, такой безыскусной болтовни, зорко вглядывалась в его лицо. Он был не совсем такой же, как до отъезда из Чикаго, но в чем разница – она не могла бы сказать. На вид как будто бы совсем прежний – такой же веселый, открытый, – но выражение лица изменилось. Не то чтобы он стал серьезнее – в покое лицо его всегда было серьезным, – но в нем появилась какая-то новая спокойная уверенность, точно он решил что-то для себя, окончательно в чем-то утвердился.

После завтрака он предложил ей пройтись к Люксембургскому дворцу.

– Нет, картины смотреть мне не хочется.

– Ладно, тогда пойдем посидим в саду.

– Нет, тоже не хочу. Я хочу посмотреть, где ты живешь.

– А там и смотреть нечего. Я живу в паршивой комнатухе в гостинице.

– Дядя Эллиот уверяет, что ты снимаешь квартиру и живешь там с натурщицей.

Он засмеялся.

– Раз так – пошли, сама убедишься. Отсюда два шага, дойдем пешком.

Он повел ее узкими кривыми улочками, мрачноватыми даже под ярко-голубым небом, сиявшим между крышами высоких домов, и вскоре остановился перед небольшой гостиницей с вычурным фасадом.

– Вот и пришли.

Изабелла последовала за ним в тесный вестибюль, в одном углу которого стояла конторка, а за ней читал газету человек без пиджака, в полосатом, желтом с черным, жилете и грязном фартуке. Ларри попросил свой ключ, и человек протянул руку к висевшей позади него доске с гвоздями. Подавая ключ, он бросил на Изабеллу вопросительный взгляд, обернувшийся понимающей усмешкой. Он явно решил, что в номер к Ларри она направляется не за хорошим делом.

Они поднялись по лестнице, устланной потертой красной дорожкой, и Ларри отпер дверь. Изабелла очутилась в небольшой комнате с двумя окнами. Окна выходили на серый доходный дом через улицу, в нижнем этаже которого помещалась писчебумажная лавка. В комнате стояла узкая кровать и рядом с ней тумбочка, стоял массивный гардероб с зеркалом, мягкое, но с прямой спинкой кресло, а между окнами – стол и на нем пишущая машинка, какие-то бумаги и довольно много книг. Книги в бумажных обложках громоздились и на каминной полке.

– Садись в кресло. Оно не слишком уютное, но лучшего предложить не могу.

Он пододвинул себе стул и сел.

– И здесь ты живешь? – в изумлении спросила Изабелла.

Он усмехнулся.

– Здесь и живу. С самого приезда.

– Но почему?

– Место удобное. И до Национальной библиотеки, и до Сорбонны рукой подать. – Он указал на дверь, которую она сперва не заметила. – Даже ванная имеется. Утром я ем здесь, а обедаю обычно в том ресторане, где мы с тобой завтракали.

– Убожество какое.

– Да нет, здесь хорошо. Большого мне не требуется.

– А какие люди здесь живут?

– Толком не знаю. В мансардах – студенты. Есть несколько старых холостяков, государственных служащих. Есть актриса на покое, когда-то играла в «Одеоне»; вторую комнату с ванной занимает содержанка, ее покровитель навещает ее раз в две недели, по четвергам. Есть, наверно, и проезжий народ. Очень тихая гостиница и очень респектабельная.

Изабелла немного растерялась и, зная, что Ларри это заметил, была готова обидеться.

– Это что за большущая книга у тебя на столе? – спросила она.

– Это? Это мой древнегреческий словарь.

– Что-о?

– Не бойся, он не кусается.

– Ты учишь древнегреческий?

– Да.

– Зачем?

– Просто захотелось.

Он улыбнулся ей глазами, и она улыбнулась в ответ.

– Может быть, ты мне все-таки расскажешь, чем ты занимался все время, пока жил в Париже?

– Я много читал. По восемь, по десять часов в сутки. Слушал лекции в Сорбонне. Прочел, кажется, все, что есть значительного, во французской литературе, и по-латыни, во всяком случае латинскую прозу, читаю теперь почти так же свободно, как по-французски. С греческим, конечно, труднее. Но у меня прекрасный учитель. До вашего приезда я ходил к нему по вечерам три раза в неделю.

– А смысл в этом какой?

– Приобретение знаний, – улыбнулся он.

– Практически это как будто ничего не дает.

– Возможно. А с другой стороны, возможно, и дает. Но это страшно интересно. Ты даже представить себе не можешь, какое это наслаждение – читать «Одиссею» в подлиннике. Такое ощущение, что стоит только подняться на цыпочки, протянуть руку – и коснешься звезд.

Он встал со стула, точно поднятый охватившим его волнением, и зашагал взад и вперед по маленькой комнате.

– Последние месяца два я читаю Спинозу. Понимаю, конечно, с пятого на десятое, но чувствую себя победителем. Словно вышел из самолета на огромном горном плато. Кругом ни души, воздух такой, что пьянит, как вино, и самочувствие лучше некуда.

– Когда ты вернешься в Чикаго?

– В Чикаго? Не знаю. Я об этом не думал.

– Ты говорил, что если через два года не найдешь того, что тебе нужно, то поставишь на этом крест.

– Сейчас я не могу вернуться. Я на пороге. Передо мной раскрылись необъятные пространства духа и манят, и я так хочу их одолеть.

– И что ты рассчитываешь там найти?

– Ответы на мои вопросы. – Он поглядел на нее так лукаво, что, не зная она его наизусть, она подумала бы, что он шутит. – Я хочу уяснить себе, есть Бог или нет Бога. Хочу узнать, почему существует зло. Хочу узнать, есть ли у меня бессмертная душа или со смертью мне придет конец.

Изабелла чуть слышно ахнула. Ей стало не по себе, когда он заговорил о таких вещах, хорошо еще, что говорил он о них легко, самым обычным тоном, и она успела преодолеть свое замешательство.

– Но, Ларри, – сказала она улыбаясь, – люди задают эти вопросы уже тысячи лет. Если бы на них существовали ответы, их уже наверняка нашли бы.

У Ларри вырвался смешок.

– Нечего смеяться, как будто я сболтнула какую-то чушь, – сказала она резко.

– Наоборот, по-моему, то, что ты сказала, очень умно. Но, с другой стороны, можно сказать и так, что раз люди задают эти вопросы тысячи лет, значит, они не могут их не задавать и будут задавать их и впредь. А вот что ответов никто не нашел – это неверно. Ответов больше, чем вопросов, и много разных людей нашли ответы, которые их вполне удовлетворили. Вот хотя бы старик Рейсброк.

– А он кто был?

– Так, один малый, с которым я не учился в школе, – беспечно сострил Ларри.

Изабелла не поняла, но переспрашивать не стала.

– Мне все это кажется детским лепетом. Такие вещи волнуют разве что второкурсников, а после колледжа люди о них забывают. Им надо зарабатывать на жизнь.

– Я их не осуждаю. Понимаешь, я в особом положении – у меня есть на что жить. Если б не это, мне бы тоже, как всем, пришлось бы зарабатывать деньги.

– Но неужели деньги сами по себе ничего для тебя не значат?

Он широко улыбнулся.

– Ни вот столечко.

– Сколько же времени у тебя на это уйдет?

– Право, не знаю. Пять лет. Десять лет.

– А потом? Что ты будешь делать со всей этой мудростью?

– Если я обрету мудрость, так авось у меня хватит ума понять, что с ней делать.

Изабелла отчаянно стиснула руки и подалась вперед.

– Ты не прав, Ларри. Ты же американец. Здесь тебе не место. Твое место в Америке.

– Я вернусь туда, когда буду готов.

– Но ты столько теряешь. Как ты можешь отсиживаться в этом болоте, когда мы переживаем самое увлекательное время во всей истории? Европа свое отжила. Сейчас мы – самая великая, самая могущественная нация в мире. Мы движемся вперед огромными скачками. У нас есть решительно все. Твой долг – вносить свой вклад в развитие родины. Ты забыл, ты не знаешь, как безумно интересно сейчас жить в Америке. А что, если ты просто трусишь, если тебя страшит работа, которая требуется сегодня от каждого американца?.. Да, я знаю, по-своему ты тоже работаешь, но, может быть, это всего-навсего бегство от ответственности? Может, это просто своего рода старательное безделье? Что бы случилось с Америкой, если бы все вздумали так отлынивать?

– Ты очень строга, родная, – улыбнулся он. – Могу ответить: не все смотрят на вещи так, как я. Большинство людей, вероятно, к счастью для них, не прочь идти нормальным путем; ты только забываешь, что мое желание учиться не менее сильно, чем... ну, скажем, чем желание Грэя нажать кучу денег. Неужели же я изменяю родине тем, что хочу посвятить несколько лет самообразованию? Может быть, я потом смогу передать людям что-нибудь ценное. Это, конечно, только мечта, но если она и не сбудется, я окажусь не в худшем положении, чем человек, который избрал деловую карьеру и не преуспел.

– А я? Или я ничего для тебя не значу?

– Ты значишь для меня очень много. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

– Когда? Через десять лет?

– Нет, теперь же. Как можно скорее.

– И на что мы будем жить? У мамы лишних денег нет. Да если бы и были, она бы не дала. Сочла бы, что это неправильно – помогать тебе вести бездельную жизнь.

– Я бы и не хотел ничего брать у твоей матери, – сказал Ларри. – У меня есть три тысячи годовых. В Париже это более чем достаточно. Могли бы снять квартирку, нанять une bonne à tout faire⁸. И как бы чудесно нам с тобой было!

– Но, Ларри, на три тысячи в год прожить нельзя!

– Очень даже можно. У многих и этого нет, а живут.

– Но я не хочу жить на три тысячи в год. И не вижу для этого оснований.

– Я сейчас живу на полторы.

– Да, но как?

Она окинула взглядом невзрачную комнату и гадливо передернулась.

– Я хочу сказать, что кое-что сумел отложить. В свадебное путешествие мы могли бы поехать на Капри, а осенью побывать в Греции. Туда меня ужасно тянет. Помнишь, как мы с тобой мечтали, что вместе объездим весь свет?

– Путешествовать я, конечно, хочу. Но не так. Я не хочу ехать на пароходе вторым классом, останавливаться в третьеразрядных гостиницах, без ванной, питаться в дешевых ресторанах.

– В прошлом году, в октябре, я вот так проехался по Италии. Замечательно было. На три тысячи годовых мы могли бы объездить весь свет.

– Но я хочу иметь детей, Ларри.

– Прекрасно. Их тоже заберем с собой.

– Глупыш ты, – рассмеялась она. – Да ты знаешь, сколько это стоит – завести ребенка? Вот Вайолет Томлинсон в прошлом году родила и постаралась обставить это как можно дешевле, и это ей стоило тысячу двести пятьдесят долларов. А няня, ты знаешь, во сколько обходится? – С каждым новым доводом, который приходил ей в голову, она все больше разгорячалась. – Ты такой непрактичный. Ты просто не понимаешь, чего требуешь от меня. Я молода. Я хочу наслаждаться жизнью. Хочу иметь все, что люди имеют. Хочу ездить на балы, на приемы, и верхом кататься, и в гольф играть, хочу хорошо одеваться. Ты понимаешь, что это значит для девушки – быть одетой хуже, чем ее подруги? Ты понимаешь, Ларри, что это значит – покупать у знакомых старые платья, которые им надоели, или говорить спасибо, когда кто-то из милости купит тебе новый туалет? Я не могла бы даже причесываться у приличного парикмахера. Я не хочу ездить в трамваях и в автобусах, мне нужен собственный автомобиль. И что бы я стала делать с утра до ночи, пока ты читаешь в своей библиотеке? Ходить по улицам и глазеть на витрины или сидеть в Люксембургском саду и присматривать за детьми? У нас и знакомых бы не было.

– Ох, Изабелла! – перебил он.

– Не было бы таких, к каким я привыкла. Да, конечно, друзья дяди Эллиота иногда приглашали бы нас в гости, чтобы сделать ему приятное, но мы не могли бы к ним ездить, потому что мне нечего было бы надеть, и не захотели бы, потому что не на что было бы пригласить их к себе. А знаться с какими-то серыми, невымытыми личностями я не хочу, мне не о чем с ними говорить, а им со мной. Я хочу жить, Ларри. – Она вдруг заметила, какие у него глаза: ласковые, как всегда, когда они устремлены на нее, но чуть насмешливые. – Ты, наверно, считаешь, что я дура? Что все это пошло и гадко?

– Нет. По-моему, все, что ты говоришь, вполне естественно.

Он стоял спиной к камину. Она встала, подошла и остановилась перед ним.

– Ларри, если бы у тебя не было ни гроша за душой и ты бы получил место на три тысячи в год, я бы, не задумываясь, за тебя вышла. Я стала бы стряпать для тебя, стелить постели, носить что попало, обходиться без чего угодно, и все мне было бы в радость, потому что я знала бы, что это вопрос времени, что ты добьешься успеха. Но сейчас ты мне предлагаешь это

⁸ Прислуга (единственная) (фр.).

убожество на всю жизнь, и никаких перспектив. Ты предлагаешь мне до смертного часа гнуть спину. И ради чего? Чтобы ты годами мог отыскивать ответы на вопросы, к тому же, как ты сам говоришь, неразрешимые. Это несправедливо. Мужчина обязан работать. Для этого он и создан. Этим он и способствует процветанию общества.

– Короче говоря, его долг – поселиться в Чикаго и поступить в контору к Генри Мэтьюрину. Ты думаешь, я так уж сильно буду способствовать процветанию общества, если стану навязывать своим знакомым акции, в которых заинтересован Генри Мэтьюрин?

– Без маклеров не обойтись. И это вполне приличный и почтенный способ зарабатывать деньги.

– Ты очень черными красками расписала жизнь в Париже на скромный доход. А ведь на самом деле все иначе. Одеваться со вкусом можно не только у Шанель. И не все интересные люди живут возле Триумфальной арки и авеню Фош. Вернее, там живет очень мало интересных людей, потому что интересные люди, как правило, небогаты. У меня здесь множество знакомых: художников, писателей, студентов – французов, англичан, американцев и прочих, – и они, думаю, показались бы тебе занятнее, чем Эллиотовы линиялые маркизы и длинноносые герцогини. У тебя живой ум, острое чувство юмора. Тебе бы понравилось, как они спорят и шутят за обедом, хотя пьют только дешевое вино и за столом не прислуживают дворецкий и два лакея.

– Не глупи, Ларри. Конечно, понравилось бы. Ты же знаешь, что я не сноб. Мне очень хочется встретиться с интересными людьми.

– Но обязательно в туалетах от Шанель. А ты думаешь, они бы не поняли, что для тебя это своего рода филантропия в интеллектуальном плане? Им это было бы в тягость, как и тебе, а тебе это дало бы одно – возможность рассказать Эмили де Монтадур и Грэси Шато-Гайар, что накануне ты очень весело провела вечер в Латинском квартале среди страховидных представителей богемы.

Изабелла чуть пожала плечами.

– Вероятно, ты прав. Это не те люди, среди каких я воспитана. У меня с ними нет ничего общего.

– И к чему же мы пришли?

– К тому же, с чего начали. Я живу в Чикаго с тех пор, как себя помню. Все мои друзья – там. И все мои интересы. Там я дома. Там мое место, и твое тоже. Мама больна, на улучшение надежды нет. Я не могла бы ее бросить, если б и захотела.

– Значит, так: если я откажусь теперь же вернуться в Чикаго, ты не выйдешь за меня замуж?

Изабелла минуту колебалась. Она любила Ларри. Она хотела стать его женой. Тянулась к нему всей своей женской сущностью. Знала, что и он ее желает. Она внушала себе, что, если поставить вопрос ребром, он не может не уступить. Было страшно, но она пошла на риск.

– Да, Ларри. Именно так.

Он чиркнул спичкой о камин – старомодной французской серной спичкой, от которых свербит в носу, и раскурил трубку. Потом, минуя Изабеллу, подошел к окну. Выглянул наружу. И молчал, молчал. Она стояла на прежнем месте, глядя теперь в зеркало над камином, но не видя своего отражения. Сердце ее бешено колотилось, от страха сосало под ложечкой. Наконец он обернулся.

– Если б только ты захотела понять, насколько жизнь, которую я тебе предлагаю, содержательнее всего, что ты можешь вообразить. Если б только ты захотела понять, что такое духовная жизнь, как она обогащает человека. Она безгранична. Вот так же, как когда ты один лежишь высоко-высоко над землей и вокруг тебя – бесконечность. Голова кружится от этих безбрежных далей. Упоение такое, что не променял бы его на всю силу и славу земную. Я вот недавно читал Декарта. Такая легкость, изящество, ясность мысли. Э, да что говорить...

– Ларри, пойми! – взмолилась она. – Ведь я для этого не гожусь, мне это неинтересно. Сколько раз тебе повторять, что я самая обыкновенная, нормальная женщина, мне двадцать лет, через десять лет я буду старухой, а пока хочу жить в свое удовольствие. Ларри, я так тебя люблю! А ты играешь в игрушки. Ничего это тебе не даст. Умоляю, ради тебя самого, махни ты на это рукой. Будь мужчиной, Ларри, возмись за дело, достойное мужчины. Ты даром тратишь самые лучшие годы, когда другие успевают столько сделать. Ларри, если ты меня любишь, ты не променяешь меня на пустые мечты. Ты пожил, как хотел. А теперь поедem с нами домой.

– Не могу, дорогая. Для меня это равносильно смерти, предательству собственной души.

– Господи, Ларри, зачем ты так говоришь? Так говорят только ученые женщины, истерички. Что значат все эти слова? Да ничего, абсолютно ничего.

– Они в точности выражают мою мысль, – отвечал он, поблескивая глазами.

– И ты еще смеешься? А ведь нам сейчас не до смеха. Мы дошли до развилки, и по какой дороге пойдem дальше – от этого зависит вся наша жизнь.

– Я знаю. Поверь, я и не думаю шутить.

Она вздохнула.

– Раз ты не внемлешь голосу разума, говорить больше не о чем.

– Но разума-то я тут не вижу. По-моему, ты говорила сплошную чушь.

– Я?! – Не будь она так подавлена, она бы рассмеялась. – Дорогой мой, ты просто спятил.

Она медленно стянула с пальца обручальное колечко. Положила его на ладонь, полюбовалась. Граненый рубин в тонкой платиновой оправе – оно всегда ей нравилось.

– Если б ты меня любил, не сделал бы ты мне так больно.

– Я тебя люблю. К сожалению, не всегда удастся поступить так, как считаешь правильным, не причинив боли другому.

Она протянула ему ладонь, на которой светился рубин, и через силу улыбнулась дрожащими губами.

– Вот, Ларри, возьми.

– Мне оно не нужно. Ты лучше сохрани его на память о нашей дружбе. Носить можно на мизинце. Друзьями-то мы останемся, правда?

– Я всегда буду тебе другом, Ларри.

– Так оставь его себе. Мне это будет приятно.

После минутного колебания она надела кольцо на правый мизинец.

– Велико.

– Можно отдать переделать. Поедем в «Ритц», выпьем.

– Ладно.

Ей все еще не верилось, что все произошло так просто. Она ни разу не заплакала. И ничего как будто не изменилось, только теперь она не выйдет за Ларри. Не укладывалось в голове, что все уже кончено, все позади. Было немножко обидно, что дело обошлось без душевнораздирающей сцены. Они все обсудили почти так же спокойно, как если бы речь шла о покупке дома. Ей словно чего-то недодали, и вместе с тем радовало сознание, что они вели себя как цивилизованные люди. Она много бы дала, чтобы в точности знать, что чувствует Ларри. Но это всегда бывало трудно. Его невозмутимое лицо, его темные глаза были маской, за которую даже она, знавшая его столько лет, не надеялась проникнуть. Она взяла с кровати свою шляпу и стала надевать ее, стоя перед зеркалом.

– Интересно, – сказала она, поправляя волосы, – тебе хотелось расторгнуть нашу помолвку?

– Нет.

– А я думала, ты почувствуешь облегчение.

Он не ответил. Она повернулась к нему с веселой улыбкой на губах.

– Ну вот, я готова.

Ларри запер за собой дверь. Человек за конторкой, принимая ключ, окинул их обоих взглядом сообщника. Изабелла не могла не понять, в чем он их подозревает.

– Сомневаюсь, чтобы он под присягой поручился за мою девственность, – сказала она.

Они поехали в «Ритц» на такси, выпили в баре. Болтали о том о сем, по видимости непринужденно, как двое старых друзей, которые видятся изо дня в день. В отличие от молчаливого Ларри Изабелла любила поговорить, недостатка в темах не испытывала, а теперь твердо решила не допустить и минуты молчания, которое было бы трудно нарушить. Пусть Ларри не думает, что она на него в обиде, она из одной гордости не выдаст, как ей больно и тяжело. Вскоре она попросила Ларри проводить ее домой. Выйдя из такси, она весело ему сказала:

– Ты, надеюсь, помнишь, что завтра у нас завтракаешь?

– А то как же.

Она подставила ему щеку для поцелуя и скрылась в подъезде.

V

Войдя в гостиную, где пили чай, Изабелла застала там несколько человек гостей. Заглянули две американки, живущие в Париже, – изысканно одетые, с жемчугом на шее, бриллиантовыми браслетами на запястьях и дорогими перстнями на пальцах. Хотя волосы у одной из них отливали темной хной, а у другой – ненатуральным золотом, они были до странности одинаковые. Так же густо насурьмлены ресницы, так же ярко накрашены губы, так же нарумянены щеки; те же худощавые фигуры – результат методичного умерщвления плоти, те же четкие, резкие черты, те же беспокойные, голодные глаза; и такое впечатление, что вся их жизнь сводится к неустанным стараниям удержать остатки былой красоты. Говорили они ни о чем, громким металлическим голосом, без единой паузы, словно опасаясь, что стоит им на минуту умолкнуть, как завод кончится и вся механическая конструкция, которую они собой представляют, развалится на куски. Наведался и один из секретарей американского посольства, лощеный, безмолвный, поскольку ему не давали вставить слово, и, видимо, искушенный в светских тонкостях; и еще – низкорослый и темноволосый румынский князек – сплошь поклоны и сладкие улыбки, с черными бегающими глазками и смуглым лицом, то и дело вскакивавший с места, чтобы поднести спичку, передать чашку с чаем или вазу с печеньем, и без зазрения совести расточавший самые неприкрытые, самые грубые комплименты. Этим он платил за все обеды, поглощенные за столом у объектов своего подхалимства, и авансом за все обеды, которые еще надеялся у них поглотить.

Миссис Брэдли, сидевшая за чайным столом и одетая в угоду Эллиоту более нарядно, чем считала подобающим для такого случая, исполняла обязанности хозяйки со свойственным ей учтивым, но несколько равнодушным спокойствием. Что она думала о гостях своего брата – о том можно только догадываться. Близко я ее не знал, а она не склонна была откровенничать с кем попало. Она была отнюдь не глупа, за годы, прожитые во всех столицах мира, перевидала великое множество самых разных людей и, вероятно, научилась достаточно четко оценивать их по меркам провинциального виргинского городка, где она родилась и выросла. Думается мне, что наблюдать их ужимки доставляло ей известное удовольствие и что их кривлянье она так же мало принимала всерьез, как горести и страдания действующих лиц в романе, про который с самого начала знала (а то бы не стала читать), что кончится он хорошо. Париж, Рим, Пекин повлияли на ее американскую натуру не больше, чем католичество Эллиота на ее стойкую и, в общем, очень удобную пресвитерианскую веру.

Изабелла, юная, пышущая здоровьем и красотой, словно внесла струю свежего воздуха в эту насквозь искусственную атмосферу. Она всплыла в комнату, как вечно юная богиня земли. Румынский князек кинулся пододвигать ей стул, выразительно при этом жестикулируя. Обе американки, визгливо щебеча любезности, оглядели ее с ног до головы, отметили, как она одета, и, возможно, сердце у них екнуло от встречи лицом к лицу с ее лучезарной молодостью. Американский дипломат мысленно усмехнулся, до того старыми и облезлыми они сразу показались по контрасту с ней. Но сама Изабелла нашла, что они великолепны. Она восхищалась их роскошными туалетами, их драгоценностями, успела позавидовать их неколебимому апломбу. Удастся ли ей когда-нибудь сравняться с ними в умении держаться? Маленький румын, конечно, уморителен, но очень милый, и даже если все эти очаровательные вещи говорит не от души, выслушивать их приятно. Разговор, прерванный ее приходом, возобновился, и все говорили так бойко, были, казалось, так глубоко убеждены в значительности того, что говорят, что впору было подумать, будто в их речах и правда есть смысл. А говорили они о вечерах, на которых побывали, и о вечерах, на которые собираются. Сплетничали о последнем светском скандале. Перемывали косточки знакомым. Перекидывались громкими именами. Знали, по-видимому, всех и каждого. Были посвящены во все секреты. Чуть ли не

в одной фразе умудрялись коснуться последнего спектакля, последнего визита к портнихе, последнего художника-портретиста и последней любовницы нынешнего премьера. Они были осведомлены решительно обо всем. Изабелла слушала затаив дыхание. Ей все это казалось донельзя культурным. Вот это жизнь. Вот что значит находиться в гуще событий. Это – настоящее. И декорации самые подходящие. Просторная комната, на полу ковер из Савоннери, прекрасные рисунки на обшитых деревом стенах, вышитые стулья, на которых они сидят, бесценная мебель маркетри – столики, секретеры, каждый просится в музей. За комнату эту, должно быть, уплачено целое состояние, но результат того стоил. Сегодня строгая красота обстановки особенно ее поразила, потому что так свеж был в памяти маленький гостиничный номер с железной кроватью и жестким, неудобным стулом, на котором сидел Ларри, – комната, в которой он не видел ничего предосудительного. Голая, унылая, отвратительная комната. Изабелла не могла вспомнить о ней без содрогания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.